Книгоиздательство „Зори“

Жьювенгуисъ.

РАСПАДЪ МАРКСИЗМА

Переводъ съ французскаго
А. Шверникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Коммерческая скоропечатня,
Лиговская, 57.

Распадъ марксизма.

„Исламъ былъ такъ долго непобѣдимъ исключительно потому, что вѣрилъ только въ себя и въ каждомъ не магометанинѣ видѣлъ врага. Какъ только Исламъ сталъ итти на компромиссы по образцу не магометанскихъ державъ, онъ тотчасъ же потерялъ свою завоевательную силу. Иначе не могло быть. Это была уже не та истинная вѣра, которая одна только и можетъ освободить міръ. Точно такъ и соціализмъ. Онъ можетъ завоевать и освободить міръ только при томъ условіи, что будетъ сохранять и поддерживать вѣру исключительно въ себя".

Либкнехтъ.

„Ты оселъ: такія вещи дѣлаютъ, но не говорятъ". Такими рѣзкими словами, по собственному заявленію Э. Бернштейна, встрѣтилъ его одинъ изъ членовъ „правленія", соціалдемократъ Ауэръ, послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой его книги „Die Voraussetzungen des Socialismus und die Socialdemocratie". (Предпосылки соціализма и соціалдемократія). Вѣроятно, извѣстно, что въ партіи правленіемъ называютъ центральный комитетъ (Parteivorstand) и Ауэръ—одинъ изъ его старыхъ членовъ. Баварецъ по происхожденію, онъ грубъ и рѣзокъ, какъ всѣ баварцы, но зато чрезвычайно искрененъ, такъ что можно увѣренно сказать, что онъ вслухъ говоритъ то, что другіе думаютъ.

Если просмотримъ внимательно всѣ пренія по поводу этой книги и письма Бернштейна, посланнаго Ганноверскому конгрессу германской соціалдемократіи, засѣдавшему отъ 9 до 14 октября 1899 г.,

мы убѣдимся, что слова Ауэра оправдались. Конечно, о Бернштейнѣ говорили много, чрезвычайно много, и вмѣсто названія „конгрессъ партіи“ можно было бы называть его съ большимъ основаніемъ „конгрессомъ“ Бернштейна; почти ни о чемъ другомъ на немъ не говорили.

Но кто такой Бернштейнъ?

Мы сейчасъ познакомимъ съ нимъ нашихъ читателей.

Бернштейнъ былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые вели въ Берлинѣ дѣятельную агитацію до изданія въ 1878 году закона о соціалистахъ. Онъ былъ тогда въ большой дружбѣ съ Іоганномъ Мостомъ и даже склонялся немного къ анархизму. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго приватъ-доцента Евгенія Дюринга, имѣвшаго тогда настолько большое вліяніе въ партіи, что Фридрихъ Энгельсъ счелъ нужнымъ изничтожить основы его ученія въ трудѣ, озаглавленномъ „Eugen Dühring und die Umwalzung der Wiessenschaft“ (Анти-Дюрингъ).

Съ введеніемъ закона 1878 года, Бернштейнъ удалился въ Швейцарію; когда Мостъ, удалившійся въ Англію, основалъ въ Лондонѣ революціонную газету, партія сочла необходимымъ для противодѣйствія вліянію такого популярнаго агитатора, основать собственную газету. Главными редакторами этой газеты были назначены Фольмаръ и Бернштейнъ.

Когда подъ давленіемъ нѣмецкаго правительства Бернштейнъ былъ изгнанъ изъ Швейцаріи, онъ поселился въ Лондонѣ. Симпатіи къ анархизму онъ потерялъ еще въ Цюрихѣ; иначе онъ не могъ бы быть редакторомъ газеты. Дружба его къ Мосту вскорѣ исчезла и впослѣдствіи перешла даже во вражду. Во время пребыванія въ Англіи онъ отдался научнымъ трудамъ настолько, что вскорѣ сдѣлался однимъ изъ научныхъ авторитетовъ, излагавшихъ свои взгляды въ „Neue Zeit“, теоретическомъ органѣ партіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ однимъ изъ „отцовъ церкви“, какъ выражались когда-то въ духовномъ мірѣ. Его такъ вы-

соко цѣнили, что Энгельсъ назначилъ его однимъ изъ выполнителей своего научнаго завѣщанія. Читая все то, что Бебель и Либкнехтъ сказали на конгрессѣ, трудно повѣрить, что это говорилось о томъ же самомъ Бернштейнѣ, которому раньше довѣряли столько отвѣтственныхъ порученій, и что онъ былъ такъ безчестно свергнутъ съ пьедестала тѣми же самыми людьми, которые раньше возвели его туда. Бебель изображаетъ его невѣждой и утопистомъ; онъ говоритъ о немъ, какъ о фразерѣ и пустомелѣ—выраженія далеко не хвалебныя. Либкнехтъ объявляетъ, что Бернштейнъ никогда не пользовался въ партіи научнымъ авторитетомъ критика марксистскаго пониманія общества, соціолога и изслѣдователя методовъ, концепцій новыхъ системъ или сущности доктринъ. Несомнѣнно, Бернштейнъ подвергся вліянію той среды, въ которой жилъ. Онъ прекрасно понялъ, что соціалдемократическая партія устарѣла, что фактически она стала партіей буржуазныхъ реформъ, какъ фабіанцы—въ Англіи, радикалы—во Франціи. Поэтому онъ и хотѣлъ привести въ согласіе названіе и дѣйствительное состояніе партіи и заговорилъ о ней, какъ о партіи соціально-демократическихъ реформъ. Онъ пишетъ слѣдующее:

„Чѣмъ больше соціалдемократія рѣшается казаться тѣмъ, что она въ дѣйствительности есть, тѣмъ больше она должна стремиться активно провести въ жизнь политическія реформы. Страхъ, конечно, довольно большой факторъ въ политической жизни; но ошибочно думать, что всего можно достичь только возбужденіемъ страха. Англійскіе рабочіе получили всеобщее избирательное право не тогда, когда чартистское движеніе приняло революціонный характеръ, а когда изчезла революціонная фразеологія и рабочіе соединились съ радикальной буржуазіей въ активной борьбѣ за пріобрѣтеніе реформъ“.

Это вполнѣ вѣрно. Необходимо, „чтобы соціалдемократическая партія рѣшила выказывать себя

тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ", и нельзя отрицать, что она перестала быть соціалистической партіей, а стала партіей исключительно демократической. Не даромъ Либкнехтъ заявляетъ въ американскомъ журналѣ „Forum": „мы имѣемъ полнѣйшее право сказать, что мы единственная партія въ Германіи, борющаяся за принципы демократіи".

Если это заявленіе искренно, то борьба между нами и соціалдемократіей должна принять совершенно иной характеръ. Во-первыхъ, въ этомъ случаѣ у нея обширное поле дѣятельности: сколько можно получить такихъ реформъ, на которыя можно смотрѣть, какъ на крупное улучшеніе въ современномъ положеніи вещей!

Если какой-нибудь муниципальный совѣтникъ добьется того, что въ темномъ мѣстѣ поставятъ фонарь, онъ, очевидно, сдѣлаетъ благое дѣло; но если бы онъ сталъ хвастаться этимъ, какъ *соціалистической* реформой, мы бы разсмѣялись ему въ лицо. А всѣ реформы, „вырванныя" у общинныхъ совѣтовъ и парламентовъ, именно такого свойства, такъ какъ ни въ общинномъ совѣтѣ, ни въ парламентѣ не можетъ осуществиться соціализмъ.

Не самъ-ли Энгельсъ порицалъ парламентскую дѣятельность слѣдующими словами:

„Одинъ изъ видовъ мелкобуржуазнаго соціализма имѣетъ своихъ представителей въ соціалдемократической партіи и даже въ парламентской фракціи. Они отстаиваютъ тоже современные соціалистическіе принципы и превращеніе всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность, но считаютъ возможнымъ осуществленіе этой программы въ такомъ далекомъ будущемъ, что его почти невозможно опредѣлить".

Еще важнѣе тотъ фактъ, что этотъ видъ мелкобуржуазнаго соціализма завоевалъ симпатію даже самого Энгельса. Бернштейну извѣстны тайны папы, и онъ справедливо замѣчаетъ:

„Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей соціалдемократіи, тотъ знаетъ, что партія разрослась

благодаря постоянной борьбѣ съ ея теоріями, и благодаря тому, что она не сообразовалась съ рѣшеніями, принятыми на основаніи этихъ теорій".

Мы стали велики и могущественны, отбросивъ въ сторону соціализмъ, а теперь хвалимся его побѣдами. Такъ, вѣроятно, думалъ бывшій редакторъ бельгійской „Reforme" г. Лоранъ, когда писалъ послѣ побѣды на выборахъ соціалдемократіи и пораженія радикальныхъ кандидатовъ: „Наши люди побѣждены, но наши принципы торжествуютъ. Мы украшаемъ себя перьями радикаловъ, а для райка прикрываемъ ихъ легкой, прозрачной соціалистической накидкой. И мы—выигрываемъ".

Ошибка Бернштейна заключается въ томъ, что онъ хочетъ быть честнымъ. Онъ долженъ былъ понять, насколько справедливъ упрекъ Ауэра: „такія вещи дѣлаютъ, но объ этомъ не говорятъ". Бернштейнъ солидаренъ съ англійской газетой „The Clairon", гдѣ мы находимъ слѣдующую фразу:

„Образованіе истинной демократіи—вотъ, по моему, самое неотложное и важное дѣло, которое намъ предстоитъ выполнить. Это—урокъ, который далъ намъ результатъ десятилѣтней борьбы и сраженій. Это—урокъ, вытекающій изъ моего знанія и опытности въ политическихъ вопросахъ. Для того, чтобы осуществить соціализмъ, мы должны создать раньше націю демократовъ. Слѣдовательно,—демократовъ, но не соціалдемократовъ. Соціализмъ будетъ отодвинутъ на задній планъ, и позднѣе, гораздо позднѣе, вѣроятно, послѣ нашей смерти, настанетъ, быть можетъ, день, когда мы начнемъ работать для соціализма".

Бернштейнъ можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ результатами конгресса. Хотя онъ не научный авторитетъ, а невѣжда, человѣкъ, не знающій самыхъ простыхъ событій нѣмецкой исторіи, но ему удалось привлечь къ себѣ одному вниманіе и труды всего конгресса, съ понедѣльника до полудня пятницы, и настолько, что всѣ остальные вопросы пришлось впопыхахъ разобрать въ полъ-дня. „Бебель гово-

рилъ"... И какъ? Не часъ, и не два, и не три; нѣтъ онъ говорилъ *почти шесть часовъ безъ остановки.*

Бебель все говорилъ, размахивая руками, угрожая, вызывая отсутствующаго Бернштейна; можно было подумать, что ничего не останется уже отъ Бернштейна. Но нѣтъ, Бернштейнъ существовалъ, какъ и прежде. Вопросъ, оказалось, былъ еще не исчерпанъ. Предполагалось покончить съ нимъ послѣ рѣчи Бебеля; вѣдь, когда Бебель говоритъ, онъ совершенно исчерпываетъ вопросъ. Но послѣ Бебеля записалось еще 34 оратора по этому-же вопросу. У всѣхъ было на душѣ кое-что, что просилось на свѣтъ. Наконецъ, пренія стали такъ скучны, какъ въ парламентѣ, и никто не слушалъ ихъ. Къ счастію, Ауэръ расшевелилъ немного своей рѣчью собраніе,—иначе можно было бы умереть отъ скуки.

Въ результатѣ конгрессъ принялъ резолюцію, о которой Бернштейнъ писалъ:

„Я тоже вотировалъ-бы за эту резолюцію съ маленькой крупинкой соли, необходимой и обычной при такихъ обстоятельствахъ". Одинъ изъ членовъ конгресса такъ заявилъ на немъ:

„Cum grano salis (съ крупинкой соли) каждый можетъ принять предложеніе Бебеля".

Предложеніе, слѣдовательно, было настолько общимъ, что оно выражало все, или, иными словами, ничего.

Въ каждой странѣ существуетъ, кажется, такой родъ спеціалистовъ, которыхъ можно назвать „фабрикаторами предложеній"; они при всякомъ расхожденіи мнѣній, въ каждомъ вопросѣ, вынимаютъ изъ кармана клочекъ бумаги и принимаются печь предложеніе, чтобы внести его на утвержденіе членовъ собранія.

Къ этого рода людямъ принадлежитъ и Бебель въ Германіи.

Онъ соединяетъ въ одно цѣлое понемногу изъ всѣхъ внесенныхъ предложеній, всегда придерживается такого, которое ничего особеннаго не выражаетъ и можетъ удовлетворить всѣхъ безъ исключенія.

Вспомнимъ исторію съ Фольмаромъ. Тогда именно такъ и поступили. Была сколочена такая резолюція, что обѣ стороны могли ее принять, и дѣло было улажено. Точь въ точь какъ въ той пещерѣ, гдѣ стряпали гетевскія вѣдьмы:

Пойми: причти,
Разъ къ десяти,
Два опусти,
А три ставь въ рядъ —
И ты богатъ.
Четырс сгладь,
А шесть и пять,
За семь считать,
И восемь разъ —
Законъ у насъ.
Пусть девять въ счетъ
За разъ пойдетъ,
А десять сгладь.
Мы можемъ вотъ
Какъ умножать! (Фаустъ, сцена съ вѣдьмой).

Фаустъ называлъ это „горячечнымъ бредомъ", а соціалдемократы называютъ „практической работой на пользу единства партіи".

Мы представляемъ себѣ, какъ Бернштейнъ, прочитавъ принятую на конгрессѣ резолюцію, говоритъ съ сардонической улыбкой, какъ Гретхенъ послѣ грандіознаго апоѳеоза Фауста о божествѣ: „все это очень хорошо; попы тоже говорятъ такъ, *но только совсѣмъ не такими словами*". Можно примѣнить еще по этому поводу латинскую пословицу: „parturiunt montes, nascitur ridiculus mus", гора мышь родила. Именно смѣшная мышь родилась отъ громаднаго конгресса послѣ столь бурныхъ дебатовъ; но плодъ его родовъ закутали въ чрезвычайно плотную упаковку.

Познакомимъ теперь читателей съ той резолюціей, которая была, наконецъ, принята послѣ нѣсколькихъ поправокъ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Она гласитъ такъ:

„Развитіе буржуазнаго общества не даетъ партіи повода оставить свои принципы или ихъ измѣнить.

Партія остается попрежнему на почвѣ борьбы классовъ. Отсюда слѣдуетъ, что освобожденіе рабочаго класса является ея единственной задачей и поэтому должно быть разсматриваемо, какъ историческій долгъ рабочаго класса; для завоеванія политической власти необходимо установить, такимъ образомъ, всеобщее народное благо посредствомъ обобществленія средствъ производства и введенія соціалистической системы производства и обмѣна.

Чтобы добиться этой цѣли, партія употребляетъ всѣ средства, согласныя съ ея принципами, и ведущія къ осуществленію этихъ принциповъ. По отношенію къ сущности и характеру буржуазныхъ партій, соціалдемократія не выставляетъ себя въ настоящее время защитницей и представительницей существующаго общественнаго строя; но она не отказывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ итти рядомъ съ этими партіями, когда, напримѣръ, такимъ путемъ можно усилить партію на выборахъ, или увеличить политическія права и свободу народа; или, когда возможно провести реформы, улучшающія современное общественное положеніе рабочихъ классовъ, содѣйствовать успѣху цивилизаціи, или энергичнѣе бороться со всѣмъ тѣмъ, что противодѣйствуетъ освобожденію народа и рабочаго класса. Но партія сохраняетъ свою полную независимость и смотритъ на всякій добытый успѣхъ только какъ на шагъ впередъ, приближающій ее къ конечной цѣли.

По отношенію къ различнымъ экономическимъ обществамъ партія остается нейтральной; она смотритъ на эти ассоціаціи, если выполнены всѣ необходимыя условія, какъ на средство достичь улучшенія въ общественномъ положеніи своихъ членовъ. Партія видитъ въ учрежденіи этихъ союзовъ, какъ и во всякихъ другихъ рабочихъ организаціяхъ для охраненія и защиты интересовъ рабочихъ,

хорошее средство для воспитанія рабочаго класса въ области независимаго управленія своими дѣлами; но она не приписываетъ этимъ экономическимъ ассоціаціямъ какого-нибудь особеннаго значенія въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ классовъ отъ цѣпей батрачества.

Въ борьбѣ съ милитаризмомъ и колоніальной политикой партія сохраняетъ принятые ею взгляды.

Равнымъ образомъ партія поддерживаетъ международную политику, которой она слѣдовала и которая имѣетъ цѣлью упроченіе братства народовъ и особенно рабочаго класса въ различныхъ странахъ цивилизованнаго міра, чтобы впослѣдствіи, на основаніи всеобщей федераціи, достигнуть осуществленія великихъ принциповъ общественной цивилизаціи".

Изъ этой декларацiи слѣдуетъ, что партія не имѣетъ причинъ измѣнять свои принципы и требованія, точно такъ же какъ свою тактику и свое названіе. Другими словами, она не желаетъ изъ партіи соціалдемократической стать партіей соціальнодемократическихъ реформъ; она совершенно отказывается сдѣлать какую-либо попытку усилить или ослабить свое положеніе въ современномъ политическомъ и общественномъ строѣ и по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ.

Къ счастью, къ концу резолюціи большинство лицъ уже забыло ея начало. Дѣйствительно, нужно было обладать здоровымъ желудкомъ, чтобы переварить какъ слѣдуетъ эту соціалдемократическую окрошку. Впрочемъ, что за важность: резолюцію сейчасъ забыли. Объ этомъ именно и можно сказать: „о такихъ вещахъ говорятъ, но ихъ не дѣлаютъ!"

Партія поступаетъ точь-въ-точь какъ католическая церковь, которая приводитъ простыхъ людей въ замѣшательство своей латынью; наивные вѣрующіе, ничего не понимая, вполнѣ отдаютъ себя руководству духовенства и приходятъ къ слѣдующему заключенію: „должно быть такъ хорошо, потому что наши начальники говорятъ, что хорошо"...

Съ этой азбукой соціалдемократической мудрости возвращаются домой; такимъ образомъ, у нихъ есть кость, которую можно грызть по крайней мѣрѣ цѣлый годъ. Затѣмъ занимаются новымъ конгрессомъ, который приноситъ новое необходимое развлеченіе.

Любопытно наблюдать, какъ снисходительны и нѣжны соціалдемократы съ правыми, но горе тѣмъ, кто обратитъ свои стремленія по направленію къ лѣвымъ.

Почему это такъ?

Роза Люксембургъ отвѣтитъ намъ на это: „Въ нашей партіи есть нѣсколько товарищей, которые раздѣляютъ то мнѣніе, что различіе взглядовъ нѣкоторыхъ изъ насъ проявляется не только въ теоріи, но и на практикѣ. Извѣстенъ фактъ, что въ нашихъ рядахъ вотъ уже около десяти лѣтъ есть сильное теченіе, которое стремится, какъ и Бернштейнъ, представить нашу современную практику, какъ соціализмъ. Наши товарищи, исповѣдующіе эти идеи, поступаютъ, конечно, безсознательно! Идея соціализма, которую мы преслѣдуемъ, соціализма безъ фразъ и фантазій, должна обязательно пройти черезъ революціонную фазу. Правду сказалъ Бебель, что опредѣленіе Бернштейна такъ неточно, такъ расплывчато, что его нельзя поставить въ опредѣленныя рамки, не рискуя услышать: „вы меня не поняли;“ когда-то Бернштейнъ писалъ не такъ. Тѣ неточности и противорѣчія, которыя встрѣчаются у Бернштейна, не составляютъ его личныхъ недостатковъ; онѣ вытекаютъ изъ того направленія, которое Бернштейнъ далъ своему мышленію и всего его міросозерцанія. Если прослѣдить исторію партіи за всѣ эти годы, если изучить доклады конгрессовъ, то легко увидѣть, что идеи Бернштейна медленно развивались, но не достигли еще зрѣлости. Надѣюсь, что это никогда и не случится“.

Фольмаръ также считаетъ несправедливымъ, что на Бернштейна сыпятся всѣ оскорбленія и ругательства; онъ находитъ, что никогда еще такъ хорошо сваренный супъ не подавался такимъ холод-

нымъ. Очевидно, на нихъ не смѣютъ нападать, потому что ихъ много: „костеръ былъ готовъ, но спички не разгорались, а у насъ не было силъ броситься въ него“. Не слѣдуетъ, однако, хватать за воротъ Бернштейна и оставлять безнаказанными множество другихъ Бернштейновъ, которые на практикѣ поступаютъ совершенно такъ же. Ауэръ, Шиппель, Гейне, Фольмаръ—всѣ должны быть взяты за воротъ; кромѣ того, слѣдовало-бы удалить изъ своихъ рядовъ всѣхъ оппортунистовъ. Мы уже выше сказали, что Фольмаръ и его единомышленники фактически и составляютъ партію; они очень настаивали на очисткѣ ея отъ нежелательныхъ элементовъ, и могло казаться, въ виду того, что оппортунисты составляютъ большинство, что другіе, не-оппортунисты должны быть исключены изъ партіи. Поэтому сфабриковали такую длинную, ничего не говорящую резолюцію, чтобы всѣ, и оппортунисты, и радикалы, могли помѣститься подъ крыльями одной курицы—соціалдемократіи, подобно тому, какъ въ католицизмѣ можно получить прощеніе всякихъ грѣховъ, съ условіемъ остаться въ лонѣ церкви. Прежде всего слѣдуетъ поддерживать единство партіи, хотя бы только для виду. Поступки одинаковы и тутъ и тамъ.

Мы писали когда-то: „тактика Фольмара чрезвычайно желательна для многихъ нѣмецкихъ соціалистовъ; поэтому она имѣетъ шансы восторжествовать“. Наше впечатлѣніе и теперь таково, что партія, руководствуясь оппортунистическими соображеніями, взяла вправо, чтобы не потерять поддержки Фольмара и его единомышленниковъ, число которыхъ оказалось гораздо болѣе значительно, чѣмъ это предполагали; партія принесла въ жертву оппозицію (молодыхъ), руководясь соображеніями чисто личнаго характера.

И всѣ конгрессы Германской соціалдемократіи доказываютъ, что партія все больше и больше беретъ вправо.

Напомнимъ еще нѣкоторые факты:

На Эрфуртскомъ конгрессѣ велась ожесточенная борьба съ Фольмаромъ, который, по мнѣнію Бебеля,

Либкнехта и другихъ, хотѣлъ ввести въ партію новую тактику Одинъ изъ присутствующихъ на конгрессѣ формулировалъ свою шпильку противъ Фольмара слѣдующей рѣзкостью: „если бы мы приняли взглядъ Фольмара, то намъ необходимо немедленно замѣнить въ нашей программѣ слово „соціалдемократическая партія“, словами „нѣмецкая рабочая партія“.

Послѣ бурныхъ преній, гдѣ Фольмаръ отстаивалъ свои взгляды, и, наконецъ, одержалъ побѣду, нашъ фабрикаторъ резолюцій, Бебель, явился съ резолюціей длиной чуть не въ аршинъ, которая, какъ и ганноверская, начиналась словами, что партія не видитъ причинъ измѣнять ту тактику, которой до сего времени слѣдовала. Въ резолюціи этой такъ хорошо были устранены всѣ спорные пункты, что и Фольмаръ былъ доволенъ, и Бебель удовлетворенъ. Конгрессъ, слѣдовательно, окончился апоѳеозомъ, и Фольмаръ, съ одной стороны, Бебель и Либкнехтъ, съ другой, бросились другъ другу въ объятія.

На Берлинскомъ конгрессѣ снова столкнулись оба теченія, и главнымъ образомъ по вопросу о государственномъ соціализмѣ. Опять смастерили резолюцію, подписанную обѣими фракціями: Либкнехтовской и Фольмаровской.

Такимъ образомъ дѣло шло изъ года въ годъ. Всегда посредствомъ туманной, безцвѣтной резолюціи умѣли сохранять внѣшнее единство партіи.

Въ прошломъ, 1898 году было заявлено устами Либкнехта: „если теоріи Бернштейна точны и справедливы, то мы можемъ похоронить нашу программу, все наше прошлое, всю соціалдемократію, потому что мы должны перестать быть пролетарской партіей“.

Бъ этомъ году Бернштейнъ напомнилъ конгрессу письмомъ свои теоріи, изложенныя въ его книгѣ, которую мы указали выше. Похоронъ партіи однако не произошло. Наоборотъ, была сфабрикована такая податливая резолюція, которую могъ принять и Берн-

штейнъ.Такимъ образомъ, человѣкъ, хоронящій партію, терпимъ въ ней съ исключительной цѣлью— сохранить видимое ея единство.

Одно изъ двухъ: или Бернштейнъ оставилъ программу и разбилъ свое прошлое,—тогда онъ больше не принадлежитъ къ партіи, или же онъ все еще раздѣляетъ идеи партіи и тогда трудно въ ней найти мѣсто Либкнехту, Бебелю и подобнымъ, потому что они убѣждены, что Бернштейнъ ведетъ партію къ гибели. Оставлять въ своей средѣ человѣка, котораго считаешь способнымъ похоронить партію, членомъ которой онъ состоитъ— признакъ невѣроятной слабости партіи. Оппортунисты имѣютъ полное основаніе быть довольными результатами конгресса, такъ какъ они, дѣйствительно, одержали побѣду.

Послушайте, какъ ликуетъ радикальная Frankfurter Zeitung" въ № отъ 16 октября:

„На только что закончившемся соціалдемократическомъ конгрессѣ Бебель, говоря въ своей послѣдней рѣчи объ инцидентѣ съ Бернштейномъ, выразилъ удовольствіе, что даже Бернштейнъ подписалъ составленную имъ резолюцію. Этимъ самымъ Бернштейнъ отказался отъ всей своей ереси и возвратился, какъ раскаявшійся грѣшникъ, въ отцовскій домъ Маркса и Энгельса".

Мы не увѣрены, дѣйствительно-ли Бебель такъ думалъ, но если это вѣрно, такъ онъ впадаетъ въ смѣшное заблужденіе.

Мы уже не разъ указывали, что резолюція была составлена въ такомъ обширномъ смыслѣ, что въ ней столько оппортунизма, что она никого не могла испугать и всѣ „товарищи" изъ партіи могли подъ нею подписаться съ той „крупинкой соли", которая играла не малую роль во всѣхъ преніяхъ по поводу Бернштейна.

Въ то время, какъ Бернштейнъ согласился съ резолюціей и оппортунисты сдѣлали то же самое, маленькая группа крайнихъ радикаловъ совершенно отвергла ее. Они нашли, что резолюція слишкомъ

растяжима, а послѣдователи Бернштейна не нашли причинъ отказать въ своихъ голосахъ за вотированіе такихъ идей, которыя были по крайней мѣрѣ такъ-же далеки отъ чистаго марксизма, какъ далеко ученіе бернштейніанцевъ. Естественно, что различные Давиды, Фольмары и ихъ сторонники не могутъ ясно и точно формулировать свои принципы въ настоящей резолюціи. Мы уже объясняли почему случилось такъ, а не иначе; но что въ концѣ концовъ побѣда будетъ на сторонѣ послѣдователей Бернштейна, теперь ясно для всякаго мыслящаго человѣка; если же Бебель утверждаетъ противное, то онъ уподобляется тѣмъ, „которые думаютъ, что они ведутъ, когда ихъ ведутъ другіе". Впрочемъ, быть можетъ, Бебель употребилъ и слѣдующую фразу исключительно съ этой цѣлью. Когда Бернштейнъ принялъ резолюцію, Бебель сказалъ: „я жертвую всѣмъ для того, чтобы дать возможность симпатизирующимъ Бернштейну отвергнуть резолюцію", и, поступая такимъ образомъ, одержать призрачную побѣду въ радикальномъ направленіи. Однако, этотъ маневръ ему не удался. Бернштейніанцы приняли резолюцію, и только нѣсколько крайнихъ вотировало противъ нея. Если это назвать пораженіемъ Бернштейна, то нельзя уже будетъ отличить черное отъ бѣлаго.

Насколько сильно въ соціалдемократіи умѣренное теченіе, показываетъ намъ появленіе на уже сравнительно прирученной сценѣ такихъ элементовъ, для которыхъ, по выраженію Фольмара, названіе „соціалдемократъ" уже слишкомъ слабо; они охотнѣе называютъ себя „революціонными пролетаріями".

Эти люди сильно нашумѣли въ прессѣ передъ конгрессомъ. Каждый день говорилось о расколѣ; ясно выразилось желаніе, по крайней мѣрѣ, отмежеваться. Роза Люксембургъ дошла даже до того, что, подъ вліяніемъ своихъ инквизиторскихъ наклонностей, требовала издать постановленіе, ограничивающее свободу соціалдемократической науки

предѣлами принциповъ соціалдемократіи. Насталъ конгрессъ, но огромный костеръ, на которомъ должны были сгорѣть еретики, даже не воздвигался.

Не было достаточно силъ, чтобы предать всеочищающему пламени искупительную жертву—баварцевъ и всѣхъ другихъ грѣшниковъ. Отважные храбрецы, недавно такъ рѣзко писавшіе, вдругъ почувствовали свою слабость и говорили уже вовсе не такъ страшно, какъ писали. Тогда выступили впередъ оппортунисты; они имѣли успѣхъ; нѣкоторые изъ нихъ оставили еще легкую маску, нѣкоторые даже совсѣмъ ее сняли, доказательствомъ чему служитъ послѣдняя рѣчь Ауэра.

Не совсѣмъ несправедливы упреки Ауэра, обращенные къ оппортунистамъ въ томъ, что они позволили себѣ взять на конгрессѣ такой же дерзкій тонъ, за какой сами порицали радикаловъ. Въ общихъ чертахъ это вѣрно. Изъ бернштейніанцевъ никто не говорилъ „о разстриженныхъ товарищахъ“ или о чемъ-нибудь подобномъ. Это именно доказываетъ, какъ сильно даетъ себя чувствовать умѣренное направленіе, какъ оно считаетъ, что ему принадлежитъ будущее и что естественное развитіе общества совершится въ его духѣ. Немного это подтверждаетъ вѣрность нашего взгляда на этотъ вопросъ, установившагося не со вчерашняго дня, но уже много лѣтъ высказывавшагося нами.

Оппортунизмъ еще сильнѣе проявился бы въ Ганноверскомъ конгрессѣ, если бы вполнѣ понятный страхъ многихъ товарищей не помѣшалъ имъ проявить его. Они рисковали не понравиться своимъ избирателямъ... Въ итогѣ Бернштейнъ можетъ быть доволенъ Ганноверскимъ конгрессомъ. Совершенно вѣрно, что часть соціалдемократіи отъ чистаго сердца не хотѣла казаться тѣмъ, что она есть. Но это нисколько не измѣняетъ того факта, что есть основаніе назвать ее партіей соціально-демократическихъ реформъ. Такое названіе можетъ причинить серьезное огорченіе многимъ изъ тѣхъ — вродѣ Каутскихъ, напримѣръ, — которые

хотѣли бы сохранить въ цѣлости прекрасное зданіе марксизма, а съ другой стороны тѣмъ смѣлымъ реакціонерамъ, которымъ не по вкусу выходки соціалдемократіи; но все это невозможно; фактъ остается фактомъ, и число признающихъ его увеличивается.

При такомъ положеніи вещей рѣдко случается, чтобы мнѣнія были изложены объективно. Общепризнанный фактъ, что соціалдемократія приручена, что это партія реформъ, привыкшая къ мысли о собственной смерти, считающая въ настоящее время возможность осуществленія своего соціалистическаго идеала лишь въ очень отдаленномъ будущемъ; идеалъ этотъ служитъ ей только парадной лошадью, которую она въ торжественныхъ случаяхъ выводитъ изъ конюшни и показываетъ публикѣ, а затѣмъ тотчасъ уводитъ ее обратно въ конюшню, гдѣ скрываетъ отъ всѣхъ взоровъ. Если всѣ товарищи изъ партіи и поступаютъ такимъ образомъ, то не всѣ же они ослы, сказалъ-бы Ауэръ, чтобы трубить съ крыши о своихъ поступкахъ. Когда Фольмара упрекаютъ въ оппортунизмѣ, онъ ссылается на нѣкоторыя фразы въ произносимыхъ въ рейхстагѣ рѣчахъ Ауэра, Либкнехта, Бебеля, какъ доказательство, что и они говорятъ то-же, что онъ, съ той только разницей, что на нихъ никто за это не нападаетъ. Это совершенно справедливо. Образъ дѣйствія депутатовъ въ рейхстагѣ неизбѣжно приводитъ къ тактикѣ Фольмара. Получается огромная разница между словомъ и дѣломъ: въ рѣчахъ хотятъ казаться революціонерами, а поступаютъ, какъ чистѣйшіе оппортунисты. Ауэръ совершенно справедливо выразился, что одного допустятъ высказать совершенно новый взглядъ и вовсе не станутъ осуждать его, другому-же не дадутъ сказать и половины и тотчасъ набросятся со всѣхъ сторонъ. Когда Либкнехтъ писалъ руководящую статью, въ которой объявлялъ, что единственная народная партія это— соціалдемократія, его расхвалили; когда-же Бернштейнъ написалъ, что нужно быть истинной народной партіей, поднялся крикъ: „Бернштейнъ хочетъ

насъ продать какому-то Зоннеману (издатель Frankfurter Zeitung). Развѣ есть какой-нибудь членъ рейхстага или какого-нибудь изъ парламентовъ, избранный на основаніи того, что называютъ болѣе или менѣе серьезной ересью, противъ принциповъ партіи? Старикъ Либкнехтъ очень хорошо зналъ это, когда говорилъ: „кто вступаетъ въ договоръ съ врагами, парламентируетъ, тотъ измѣняетъ".

Мы повторимъ—никогда не лишнее повторить—драгоцѣнныя слова Фридриха Энгельса, которыя нужно было бы написать надъ дверьми всѣхъ соціалистическихъ собраній и газетныхъ редакцій: „легко и свободно скользитъ тотъ, кто ступаетъ на наклонную плоскость".

Особенно важно замѣтить, что с.-д. партія по прежнему все продолжаетъ качаться между двумя идеями, не можетъ освободиться отъ путъ и развязать узелъ; потому она и становится то партіей чисто революціонно-соціалистической, то партіей соціально-демократическихъ реформъ.

Бернштейнъ старается теперь стать на опредѣленную почву и уничтожить всякую двусмысленность. То же самое находимъ и у Маркса, который могъ бы сказать, какъ Фаустъ на прогулкѣ за городомъ въ пасхальное воскресенье:

„Увы, двѣ души живутъ въ моей груди и постоянно стремятся отдѣлиться одна отъ другой. Одна, живая и страстная, тянется къ жизни и цѣпляется за нее всѣми органами тѣла, другая, врагъ мрака, стремится попасть въ жилище предковъ".

Одна изъ этихъ душъ прославляетъ фабричные законы, какъ будто пролетаріатъ можетъ получить такимъ медлительнымъ путемъ все то, что ему нужно для своего освобожденія. Реформаторы мелкой буржуазіи, поставившіе себѣ задачей проведеніе улучшенной законодательной системы въ капиталистическомъ производствѣ, основанномъ на частной собственности, чаще всего объявляютъ себя сторонниками Маркса.

Другая душа, задачей которой является идеаль-

ный принципъ, не требуетъ осязательныхъ практическихъ результатовъ, но прямо идетъ къ своей цѣли, стремясь къ эволюціи капиталистической собственности въ собственность соціалистическую. Такимъ образомъ, съ одной стороны, получается необходимость лучшей законодательной системы въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, съ другой стороны—сознаніе неизбѣжной гибели этого самаго общества. Это раздвоеніе существуетъ одинаковымъ образомъ въ обѣихъ программахъ: и въ теоретической, и тактической.

Пусть намъ докажутъ, что въ этой программѣ тактики есть хотя бы одинъ изъ десяти параграфовъ, который дѣйствительно можно назвать соціалистическимъ, или какой-нибудь изъ пяти еще отдѣльно внесенныхъ, который относится къ охраненію рабочаго класса.

Намъ не укажутъ, потому что указать невозможно.

Вотъ почему на выборахъ выступаютъ такіе соціалдемократы, которые ведутъ борьбу не по соціалистической, а попросту по радикальной программѣ. Мало того, есть партіи, напримѣръ, націонализаторы земли, у которыхъ въ программѣ гораздо больше соціализма, чѣмъ у соціалдемократовъ.

Такая программа уподобляетъ соціалдемократію головѣ Януса, показывающаго то революціонное, то реформистское лицо.

Является Бернштейнъ и хочетъ назвать дитя его настоящимъ именемъ; тогда ему вдругъ показываютъ революціонную физіономію. Не видали ли мы, что Ауэръ и Бебель защищали политику возмѣщеній, т. е. заключенія съ правительствомъ безсовѣстныхъ, по истинѣ коммерческихъ сдѣлокъ; партія, напримѣръ, удовлетворяетъ желаніямъ правительства въ области милитаризма съ условіемъ, чтобы правительство дѣлало взамѣнъ уступки въ интересахъ рабочихъ. Не слышали ли мы, что Бебель согласился на заемъ для нуждъ черныхъ мундировъ и назвалъ этотъ расходъ наиболѣе производительнымъ. Конецъ старому девизу: „ни человѣка, ни копейки“

Шиппель сдѣлалъ еще шагъ впередъ по этому опасному пути, выразивъ согласіе на пріобрѣтеніе новыхъ пушекъ. Да, по этому поводу на него страшно напали и, когда онъ выступилъ въ Ганноверѣ, его выбросили за бортъ. А между тѣмъ, какая разница между нимъ и Бебелемъ? Если черные мундиры защищаютъ военныхъ отъ стрѣльбы непріятеля, то и новыя пушки предохраняютъ нашихъ солдатъ отъ огня лучшей дальнобойной непріятельской артиллеріи. Партія высказалась за участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ точно такъ же, какъ въ саксонскій, баварскій и баденскій, гдѣ оппортунизмъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что Фольмаръ могъ позволить себѣ, при рукоплесканіяхъ большинства конгресса, враждебно отречься отъ Парижской Коммуны, объявивъ, что ея борцы сдѣлали бы гораздо лучше, если бы улеглись спать.

Какая же разница получается на практикѣ между Бернштейномъ съ одной стороны и нѣмецкой соціалдемократической партіей и ея главарями—съ другой? Бернштейнъ сдѣлалъ глупость, желая быть честнымъ; онъ оказался осломъ, ибо... „такихъ вещей не говорятъ, ихъ только дѣлаютъ“!

Съ этой точки зрѣнія партія представляетъ одинаковое зрѣлище, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи. Послѣ того, какъ Гедъ, Вальянъ и другіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ интриговали вмѣстѣ съ Мильераномъ и Жоресомъ въ пользу практическихъ результатовъ, совершенно выбросивъ за бортъ соціализмъ, они вдругъ стали революціонными, и Мильерану и Жоресу осталось только удалиться. Если дѣло народа могло бы выиграть отъ присутствія депутатовъ въ парламентѣ, то нѣтъ никакого логическаго аргумента, который можно было бы привести противъ того, что для депутатовъ имѣло бы огромное значеніе, чтобы и правительственный министръ ихъ направленія защищалъ и поддерживалъ ихъ интересы. Гедъ и Вальянъ не имѣли права нападать на Мильерана и Жореса, потому что они и сами виновны въ тѣхъ ошибкахъ, въ которыхъ

виняютъ другихъ. Нужно, однако, прибавить, что обвиняютъ они не по злобѣ, а потому, вѣроятно, что не сами они вошли въ министерство.

На будущемъ конгрессѣ, вѣроятно, найдется снова фабрикаторъ резолюцій, который въ аршинной резолюціи настолько сгладитъ всѣ шероховатости, что она будетъ принята подъ конецъ при всеобщемъ рукоплесканіи ad majorem gloriam (для величайшей славы) всей соціалдемократической партіей *).

Мы утверждаемъ, что логика фактовъ должна вести партію по тому пути, на который она вступаетъ. Трудно сдѣлать только первый шагъ; но какъ только онъ сдѣланъ, его разсматриваютъ уже не съ принципіальной точки зрѣнія, а только съ точки зрѣнія борьбы за внѣшнюю форму.

Бернштейнъ систематически изложилъ въ своей книгѣ оппортунизмъ соціалдемократіи. Когда онъ закончилъ свою работу, онъ представилъ ее партіи, и партія испугалась собственнаго изображенія. Быть можетъ, это говоритъ въ ея пользу, но тогда пусть она серьезно разберется и спроситъ себя, не приняла ли она дѣйствительно такой видъ, послѣ всѣхъ своихъ „выходокъ“, какъ назвалъ ихъ Бебель.

И разъ такъ, пусть партія имѣетъ храбрость согласиться съ выводами Бернштейна и казаться тѣмъ, что она есть, или пусть она открыто порветъ съ принятой тактикой и признаетъ, что совершила ошибку на Эрфуртскомъ конгрессѣ, когда исключила тѣхъ, кого назвали „молодыми“. Они блестяще доказали свою правоту, съ той только разницей, что сказали о Бебелѣ и Либкнехтѣ то, что эти послѣдніе теперь говорятъ о Бернштейнѣ.

Вспомнимъ, что тамъ произошло, и намъ станетъ ясно, что каждое лицо само отвѣчаетъ за ошибки, которыя совершаетъ. Нужно было отразить Фольмара. Одинъ изъ депутатовъ, Эртель, хотѣлъ сдѣ-

*) Эта статья была написана до франц. конгресса 1899. Пророчество сбылось. Ангелъ искуситель—всѣхъ удовлетворившая революція восторжествовала. Порицали тактику Мильерана, но это не помѣшало ему остаться министромъ.

лать категорическое заявленіе относительно тактики Фольмара; поэтому онъ предложилъ добавить къ аршинному предложенію Бебеля слѣдующія слова:

„Конгрессъ настаиваетъ на томъ, что онъ не только не раздѣляетъ взглядовъ Фольмара, изложенныхъ въ рѣчахъ 1-го іюля и 6-го іюня въ мюнхенскомъ парламентѣ, относительно обязанностей нѣмецкой соціалдемократіи и необходимости новой тактики, но, наоборотъ, считаетъ его взгляды вредными для дальнѣйшаго развитія партіи".

Яснѣе, кажется, нельзя было сказать.

Какъ же поступили вожди партіи?

Ауеръ потребовалъ принятія предложенія Бебеля съ поправкой Эртеля. Фишеръ требовалъ того-же самаго. Либкнехтъ считалъ принятіе поправки Эртеля *безусловно необходимымъ для партіи* и добавилъ:

„Въ интересахъ истины я радъ, что эта поправка внесена. Что касается меня, я буду голосовать за нее и надѣюсь, что конгрессъ согласится принять ее подавляющимъ большинствомъ голосовъ. *Если-же она не будетъ принята, то оппозиція будетъ права, и въ этомъ случаѣ я самъ перейду въ оппозицію*".

Бебель добавилъ, что такъ и нужно, чтобы конгрессъ высказывался опредѣленно.

Всѣ нашли необходимымъ принятіе поправки Эртеля.

Тогда выступаетъ Фольмаръ и говоритъ: „Если поправка Эртеля принята, то мнѣ остается сказать Вамъ, что говорю съ Вами въ послѣдній разъ".

Поправку немедленно берутъ назадъ. Вносится предложеніе, удовлетворяющее обѣ стороны, и—дѣло улажено.

Мы тогда писали по этому поводу: «Интересно знать, подтвердятся ли опасенія Ауэрбаха, что... „Либкнехтъ—какъ онъ самъ сказалъ—перейдетъ въ оппозицію черезъ годъ или два, если конгрессъ не приметъ поправки Эртеля». Но нѣтъ, мы напрасно безпокоились: «Какъ только ступишь на наклонную

плоскость, по ней очень быстро и легко скользить» *). Опасенія наши были напрасны, такъ какъ Либкнехтъ еще принадлежитъ къ партіи и даже не думаетъ переходить въ оппозицію.

Такимъ образомъ, не Фольмаръ подвинулся влѣво, но, наоборотъ, партія подвинулась за нимъ вправо.

Фольмаръ торжествовалъ всегда и съ нимъ вмѣстѣ торжествовалъ оппортунизмъ; даже побѣда Бернштейна можетъ быть приписана авторитету Фольмара.

Почему же именно книга Бернштейна вызвала столько гнѣва?

Разгнѣвало не столько ея содержаніе, потому что объ этомъ вопросѣ уже много и даже лучше писали раньше, сколько лицо, которое ее написало.

Какъ, Бернштейнъ, одинъ изъ лучшихъ марксистовъ, одинъ изъ ихъ научныхъ авторитетовъ, и дерзнулъ, хотя бы въ самой скромной формѣ, возбуждать сомнѣнія относительно святая святыхъ теоріи Маркса?

Это измѣна, это скандалъ!

Бебель отлично расписываетъ, что „право свободной критики такъ общепризнано, что за него даже нѣтъ нужды бороться", что „свобода критики для насъ жизненный принципъ, воздухъ, которымъ мы дышемъ", что если найдется партія, въ которой нѣтъ догмы, такъ это именно соціалдемократія, что если и были люди, которые смѣло боролись съ догмой и выкинули ее изъ нашихъ умовъ, такъ эти люди были Марксъ и Энгельсъ и т. д. Но факты неоспоримо доказываютъ противное. Если есть партія, которая прикрѣплена къ догмѣ и возстаетъ противъ права свободной критики, это и менно германская соціалдемократія и соціалдемократія всѣхъ другихъ странъ, гдѣ она построена по тому-же образцу.

На Маркса нападаютъ! Такъ звучалъ сзывающій кличъ. И всѣ поднялись въ походъ противъ такого святотатства!

---

*) Le socialisme en danger, p. 16.
(Соціализмъ въ опасности, ст. 16).

На Маркса нападаетъ и кто?—марксистъ, Эдуардъ Бернштейнъ! И партія принялась судить его за такую страшную измѣну.

Почитайте внимательно пренія на ганноверскомъ конгрессѣ и вы увидите, что всѣ клянутся авторитетомъ владыки—Маркса.

Есть ли во Франціи большій раскольникъ, чѣмъ марксистъ Гедъ?

Часто повторяютъ, что Марксъ для соціалдемократовъ то же самое, что Библія для вѣрующихъ. Большинство вѣрующихъ, вѣроятно, никогда не читало Библіи, такъ-же какъ и соціалдемократы не читали Маркса. Объ книги требуютъ комментарій. Существуетъ особый сортъ людей, называемыхъ толкователями или комментаторами, которые ставятъ себѣ задачей разъяснять эти книги. И Марксъ, и Библія нуждаются въ толкованіяхъ, въ комментаріяхъ. Появилась, такимъ образомъ, цѣлая порода людей, выставляющихъ себя толкователями Маркса. Подобно тому, какъ существуютъ теологи, появлялись и *Марксологи*.

Все можно доказать Библіей и, если приглядѣться къ тому, какъ теологи, обыкновенно, оглушаютъ другъ друга библейскими текстами, въ этомъ легко убѣдиться.

Славный Бернштейнъ намъ очень хорошо и точно доказываетъ, какъ сговариваются комментаторы Маркса оглушать насъ цитатами изъ ихъ автора. Теперь можно все доказать, ссылаясь на Маркса и Энгельса. Бебель сердился за эти слова, но развѣ это неправда? Разъ Марксъ такъ сказалъ, то между соціалдемократами смолкаютъ всѣ разногласія; все равно какъ сказали бы ученикамъ Пиѳагора: такъ учитель сказалъ.

Итакъ, Бернштейнъ не сказалъ ничего новаго. Онъ признаетъ даже, что его книга не имѣетъ претензій на оригинальность; но заслуга его заключается въ томъ, что онъ сказалъ кое-что новое, что у него хорошо составленный планъ, и книга производитъ цѣльное впечатлѣніе. Иногда онъ довольно

смѣлъ; напримѣръ, когда говоритъ, какъ самъ Марксъ писалъ однажды относительно судебъ разныхъ теорій: „Любовница Моора не можетъ умереть иначе, какъ отъ руки Моора“. (Шиллеръ. „Разбойники“).

Нелюбезенъ онъ еще тогда, когда замѣчаетъ... „это означаетъ то же, что если бы марксистъ свернулъ шею марксизму“.

Бернштейнъ, смягчая впечатлѣніе своихъ словъ, говоритъ, что открытіе и торжество ошибокъ въ какой-нибудь теоріи не составляетъ еще ея паденія, если даже кому-нибудь и покажется, что Марксъ ведетъ борьбу съ Марксомъ; но, несмотря на это, всѣ согласятся, что, если кому-нибудь снять голову и приставить другую, то очень трудно будетъ заставить принять его за то-же самое лицо.

Посмотримъ теперь, что говоритъ Бернштейнъ о марксизмѣ:

„Марксъ, конечно, былъ человѣкъ строго научный; никто не отнимаетъ у него этой чести. Но былъ-ли онъ дѣйствительно геній съ оригинальными воззрѣніями, въ этомъ можно сомнѣваться. И когда ему приписываютъ вещи, которыя никогда ему не принадлежали,—а послѣдователи его такъ и поступаютъ,—впадаютъ въ смѣшное, безумное идолопоклонство, что современемъ станетъ ясно для всѣхъ“.

Такъ, Энгельсъ писалъ, что Марксъ открылъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Бебель сказалъ на одномъ конгрессѣ, что „Марксъ открылъ источники общественнаго развитія“ послѣ того, какъ самъ въ своей книгѣ „о женщинѣ“ разсказывалъ, что нѣмцы открыли динамику развитія современнаго общества и научныя основы соціализма; между этими нѣмцами первое мѣсто принадлежитъ Марксу и Энгельсу.

Къ несчастью, все это невѣрно.

Вовсе не Марксъ открылъ, что экономическіе факторы оказываютъ вліяніе на ходъ исторіи. Очень многіе уже знали это и ясно высказывали въ своихъ сочиненіяхъ.

Черкезовъ совершенно справедливо говоритъ въ своей книгѣ„La democratie sociale dans ses enseignements et dans les fois“—(Соціалдемократія въ ея ученіи и поступкахъ):

„Способъ производства показываетъ намъ состояніе цивилизаціи и развитія нѣкоторыхъ обществъ въ какой-нибудь историческій періодъ. Но это было извѣстно еще до 1845 года и даже до 28-го ноября 1820—день рожденія Энгельса. Только въ то время это называлось ролью, вліяніемъ экономическихъ факторовъ въ исторіи. Но совокупность экономическихъ факторовъ, то, что мы называемъ экономизмомъ, не есть еще матеріализмъ. Способъ производства только факторъ или лучше сказать одинъ изъ многихъ элементовъ, входящихъ въ то революціонное обобщеніе, которое извѣстно подъ именемъ матеріалистической теоріи. Часть не можетъ заключать въ себѣ цѣлое: экономизмъ еще не составляетъ матеріалистической теоріи“.

Даже не упоминая о Черкезовѣ, Бернштейнъ явно доказываетъ, что онъ вполнѣ проникся ясными выводами послѣдняго.

Вотъ какъ онъ пишетъ:

„Является, наконецъ, вопросъ, до какого пункта матеріалистическое пониманіе исторіи будетъ имѣть какое-нибудь право на такое названіе, если его не перестанутъ разрушать добавленіемъ другихъ факторовъ? Согласно заявленію Энгельса, (высказанному въ письмѣ къ Конраду Шмидту въ 1890 году), пониманіе исторіи становится не матеріалистическимъ, а чисто экономическимъ. Я не отрицаю, что самая суть вещи и ея названіе не совсѣмъ аналогичны; но я не ищу прогресса уничтоженіемъ идеи, а, наоборотъ, стараюсь придать идеѣ точность; развивая историческую теорію, нужно прежде всего показать, чѣмъ она отличается отъ другихъ, и несмотря на все почти склоненъ признать опредѣленіе Барта—экономическое пониманіе исторіи—какъ самый лучшій показатель историческихъ теорій марксизма. Смыслъ этого названія заключается въ томъ

значеніи, какое оно придаетъ экономикѣ. Знакомство съ историческими фактами и пользованіе ими оказываетъ громадныя услуги исторической наукѣ и обогатило эту отрасль человѣческаго знанія. Экономическое пониманіе исторіи еще не обязываетъ признавать исключительно экономическія силы, или экономическія побужденія. Слѣдуетъ только признать, что экономика составляетъ наиболѣе значительную силу, центръ тяжести въ большихъ историческихъ движеніяхъ. Вообще всѣ недоразумѣнія, относящіяся къ идеѣ матеріализма, связаны съ названіемъ „Матеріалистическое пониманіе исторіи".

Не правда ли, иными словами то же, что сказалъ Черкезовъ. Но Черкезовъ отличается отъ Бернштейна, а также отъ Каутскаго тѣмъ, что эти окутываютъ себя научнымъ туманомъ, тогда какъ онъ старается говорить и писать понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Мы спрашиваемъ каждаго, знакомаго съ развитіемъ исторической мысли, не смѣшно ли себѣ представлять, что Марксъ открылъ вѣчные законы общественной жизни? Можно заставить повѣрить этому людей, запертыхъ, какъ въ теплицѣ, въ политическомъ кружкѣ, куда не проникаетъ освѣжающій вѣтеръ дѣйствительности, гдѣ ихъ искусственно согрѣваютъ проведенными трубами, подъ наблюденіемъ руководителей, затянутыхъ, какъ въ духовной семинаріи, въ догматическій корсетъ. Не такъ нужно разсматривать поле знанія, если желательно получить хорошіе результаты.

Недостатокъ научныхъ знаній едва скрытъ въ полунаучныхъ образцахъ этихъ полемистовъ, и мы никогда не понимали, зачѣмъ они дѣлаютъ науку такой недоступной при помощи ихъ темной и сбивчивой терминологіи, что слово „научно" и „непонятно" стали почти синонимами. Буало выразился совершенно правильно, сказавъ: „что хорошо понятно, то очень ясно выражается", а мы къ этому прибавимъ, что „туманное одѣяніе идеи показываетъ, что о ней нѣтъ яснаго представленія въ собственномъ умѣ". Даже нѣмцы, и тѣ не всѣ поддаются

обману. Вотъ какъ хорошо пишетъ въ „Sozialist“ г. Ландауэръ о Бернштеніанцахъ, какъ выражаются въ Германіи.

„Я хочу представить только одно доказательство ничтожности книги и пошлости головы, которая ее составила. Дѣла, къ несчастью, стали такъ плохи, что оказалось вполнѣ достаточно такого посредственнаго ума, чтобы покачнуть основы марксизма. На страницахъ 4 и 14 находимъ слѣдующія фразы, относящіяся къ этому предмету. Вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи есть вопросъ о степени исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ прежде всего признавать необходимость всего того, что происходитъ. Философскій матеріализмъ и матеріализмъ естественныхъ наукъ—это детерминизмъ; марксистское же пониманіе исторіи—нѣтъ; оно не признаетъ предомининрующаго и абсолютнаго вліянія экономическаго принципа на развитіе жизненныхъ формъ народовъ.

Какая безсмысленная галиматья!

Читая это, можно подумать, что нѣтъ детерминистовъ, кромѣ матеріалистовъ. Развѣ такое пониманіе исторіи, гдѣ какому-нибудь одному фактору не приписываютъ всепоглощающаго значенія, не можетъ быть детерминистично? Вопросъ о детерминизмѣ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣйствительно ли всѣ явленія причинны и предопредѣлены? По вопросу о причинности пасквильникъ Бернштейнъ и журналистъ Каутскій могутъ, конечно, подать другъ другу руку, потому что оба въ немъ одинаково понимаютъ“.

Каутскій написалъ книгу для опроверженія Бернштейна. Она озаглавлена Berenstein und das Sozialdemokraticshe Programm. Оба друга тамъ вмѣстѣ. Однако, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Каутскій не слѣдуетъ недостойному методу Либкнехта и не называетъ того, кто исповѣдуетъ другую идею, невѣждой и ничтожествомъ. Напротивъ, онъ уважаетъ Бернштейна и приводитъ мнѣніе профессора Диля (Diehl), который говоритъ: „то, что называютъ

научнымъ соціализмомъ, потеряло въ лицѣ Бернштейна одного изъ самыхъ талантливыхъ и самыхъ ученыхъ послѣдователей".

Между прочимъ всѣ пункты, по которымъ Бернштейнъ оспариваетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ теорія концентраціи капитала, теорія добавочной стоимости, теорія кризисовъ, теорія возрастанія нищеты, теорія катастрофъ и т. д. и т. д., уже не разъ были предметомъ большихъ споровъ; но тогда не находили нужнымъ употреблять такую сложную терминологію, а теперь стараются будто нарочно создать какъ можно больше затрудненій.

Бернштейнъ выставилъ три пункта противъ теоріи Маркса о способѣ капиталистическаго производства:

1) число имущихъ не уменьшается, но увеличивается;

2) мелкое производство не уничтожается;

3) шансы на разряженіе опустошающихъ кризисовъ уменьшаются.

Дадимъ сначала слово самому Марксу. Въ I томѣ Капитала онъ такъ формулируетъ свое мнѣніе:

Собственность, пріобрѣтенная личнымъ трудомъ, скрѣпляющая отдѣльныхъ и независимыхъ работниковъ съ внѣшними условіями труда, вытѣсняется частной капиталистической собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого наемнаго труда.

Какъ только этотъ процессъ достаточно разложилъ въ ширину и глубину старое общество, какъ только рабочіе обратились въ пролетаріевъ, а ихъ условія труда въ капиталъ, какъ только капиталистическій строй поддерживается только силой экономическаго положенія вещей, послѣдующее обобществленіе (Vergesellschaftung) труда, постепенное превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественныя, эксплуатируемыя всѣмъ обществомъ средства производства, однимъ словомъ, постепенное уничтоженіе частной собственности получаетъ новую форму. Теперь нужно экспропріировать уже не независимаго работника, а капиталиста,

начальника цѣлой арміи рабочихъ, цѣлаго отряда наемниковъ.

Эта экспропріація совершается дѣйствіемъ неизбѣжныхъ законовъ, присущихъ капиталистическому производству, которые приводятъ къ централизаціи капитала. Параллельно съ этой централизаціей, съ экспропріаціей большого числа капиталистовъ меньшимъ, постепенно развивается приложеніе науки и техники, систематическая обработка земли, преобразованіе орудій труда въ могучіе инструменты; уже одно всеобщее потребленіе, экономизирующее средства производства, участіе всѣхъ народовъ въ сѣти всемірнаго рынка придаетъ капиталистическому строю его интернаціональный характеръ.

Съ постепеннымъ уменьшеніемъ числа обладателей капитала, похищающихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація; но такъ-же развивается сопротивленіе и возмущеніе рабочаго класса, который растетъ и дисциплинируется, объединенный и организованный, уже самымъ механизмомъ капиталистическаго способа производства. Монополія начинаетъ становиться помѣхой для того самаго производства, которое развилось при ея содѣйствіи. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ наконецъ такой ступени, что они уже не могутъ нести дольше свою капиталистическую оболочку. Послѣдняя съ шумомъ трескается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторовъ экспропріируютъ.

Если освободить это разсужденіе отъ научнаго тумана, въ который Марксъ какъ истый гегеліанецъ окуталъ свою мысль, то смыслъ его таковъ:

Число капиталистовъ все уменьшается, и настанетъ моментъ, когда эта кучка угнетателей такъ сильно прижметъ рабочій классъ, къ тому времени сильно развившійся и хорошо организованный, что онъ попросту выброситъ эту небольшую шайку за бортъ.

Возьмемъ для примѣра производство и торговлю керосиномъ. Удалось, скажемъ, сосредоточить ихъ въ рукахъ двухъ фирмъ: Рокефельда въ Америкѣ и какого-нибудь керосиннаго треста въ Россіи.

Это было бы просто и понятно.

Но нѣтъ ли позади этихъ двухъ представителей цѣлаго ряда другихъ лицъ, которымъ выгодно сохранить прежнее положеніе вещей. Каждый капиталистъ убиваетъ нѣсколько другихъ. Когда-же это дѣлаетъ трестъ, то у этого чудовища уже не одна, а нѣсколько головъ.

Бернштейнъ говоритъ также:

„Совершенно неправильно предполагать, что въ развитіи современнаго общества наблюдается относительное или абсолютное уменьшеніе числа имущихъ; наоборотъ, число ихъ гораздо болѣе значительно, чѣмъ раньше: оно растетъ не только абсолютно, но и относительно".

Совершенно правы тѣ, которые упрекаютъ Каутскаго въ томъ, что онъ смѣшиваетъ капиталъ съ капиталистами, обладателями его.

Присмотримся ближе къ дѣлу:

Національное богатство Англіи, не считая стоимости домовъ, дошло:

въ 1812 году до 4,875 мил. франковъ.
„ 1888 „ „ 73,845 „ „

Это значитъ, что увеличилось до нашего времени въ 15 разъ со времени нашихъ прадѣдовъ и что оно находится въ рукахъ 158.600 семействъ богатаго класса и 730,500 средняго класса на 37,818,153 жителей Великобританіи.

Во Франціи, по Фурье-де-Фасксу и Иву-Гюйо, вотъ каковы цифры:

въ 1824 году . . . . 14,775 мил. франк.
„ 1888 „ . . . . . 91,392 „ „

(въ томъ числѣ и стоимость домовъ).

Средняя собственность, передававшаяся по наслѣдству послѣ смерти, была въ Англіи въ:

2,325 фр. 1837—1840 г.
2,471 „ 1841—1850 „
4,000 „ 1861—1870 „
5,250 „ 1871—1880 „
6,771 „ 1881—1885 „

Число состояній выше 125.000 фр. въ 1840 году поднялось до 1.989, въ 1877 году она равнялась 4.478.
Число состояній выше 2.500 фр. поднялось въ:

1840 г. . . . . до 14,936.
а въ 1877 г. . . . . достигло 36,438.

Число плательщиковъ налоговъ съ годовымъ доходомъ въ 3.750—12.000 фр. увеличилось съ 1868 — 1869 г. до 1889 г. съ 187.518 до 333.070, т. е. на 72%.
Число получающихъ ренту съ 12.500—22.500 увеличилось до 21.482—22.019, т. е. на 29%, число получающихъ ренту отъ 22.500 до 100.000 увеличилось отъ 14 167 до 18.935, т. е. на 28%, число получающихъ доходу отъ 100.000 до 125.000 и больше увеличилось отъ 2.152 до 2.907, т. е. на 28%.

Такимъ образомъ, въ богатомъ классѣ возрастаніе въ 28%, а въ среднемъ классѣ въ 72%. Число обладателей капитала уменьшило число мелкихъ капиталистовъ, и, такимъ образомъ, этотъ законъ Маркса дѣйствуетъ чрезвычайно плохо.

Каутскій, правовѣрный стражъ стѣнъ сіонскихъ, смутился и сказалъ, что этотъ законъ слѣдуетъ принимать cum grano salis (съ крупинкой соли). Это значитъ прикрыть отступленіе, чтобы спрятаться отъ непріятеля.

Чтобы еще нагляднѣе представить непригодность этого закона Маркса, Черкезовъ приводитъ въ примѣръ одну лондонскую мѣховую фирму, которая ежегодно имѣетъ оборотъ въ нѣсколько милліоновъ; 7.800,000 м. въ 1895 г., напримѣръ. Торговля здѣсь очевидно сильно сконцентрирована. На вопросъ, много-ли фирмъ ею уничтожено, отвѣчаютъ: „наоборотъ, ихъ число увеличилось“. Фирма дѣлаетъ все возможное, чтобы уменьшить расходы по пере-

возкѣ и другіе. Она процвѣтаетъ и ея обладатели зарабатываютъ больше чѣмъ прежде. Откуда-же берутся ея барыши?

Весь секретъ вотъ въ чемъ. Если фирма сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ продавала ежегодно на 100.000 фр. при коммиссіонномъ вознагражденіи въ 10%, то въ настоящее время при гораздо большемъ ежегодномъ оборотѣ она получаетъ при коммиссіонномъ вознагражденіи въ 1% гораздо большую прибыль. Уменьшеніе барыша на отдѣльной вещи, но зато возможно большій оборотъ, такъ что вмѣсто 10—100 прежнихъ производителей теперь требуется 1000—10.000 ихъ.

Вотъ причины появленія баснословныхъ состояній въ наши дни.

Во всѣхъ странахъ увеличеніе числа собственниковъ происходитъ такимъ-же образомъ.

Въ Голландіи было 683 анонимныхъ обществъ въ 1882 г.

Это число поднялось до 1327 анонимныхъ обществъ въ 1890 г.

Это число поднялось до 2656 анонимныхъ обществъ въ 1897 г.

Въ одномъ только 1898 году прибавилось около 335 обществъ съ капиталомъ въ 226 мил. фр. Въ скольких рукахъ находятся паи этихъ обществъ? Такимъ образомъ, концентрація капитала идетъ рядомъ съ увеличеніемъ числа капиталистовъ. Если рабочій классъ станетъ дожидаться, пока капиталъ уничтожитъ средній классъ, то онъ можетъ спать спокойно. Если капиталъ даже экспропріируетъ средній классъ, какъ мелкаго торговца, мелкаго лавочника, мелкаго производителя, мелкаго промышленника, то классъ этотъ не замедлитъ возродиться въ другой формѣ — какъ компаніонъ, акціонеръ анонимнаго общества и т. п.

И Черкезовъ совершенно правъ, когда говоритъ: „Надо быть болѣе чѣмъ наивнымъ, чтобы повторять ту нелѣпость, что буржуазія добровольно согласится на экспропріацію, одобренную какимъ-

нибудь парламентомъ, потому яко бы, что число капиталистовъ будетъ доведено до ничтожнаго меньшинства.

Программа германской соціалдемократіи, принятая въ 1899 году въ Эрфуртѣ, начинается слѣдующимъ принципіальнымъ заявленіемъ:

„Экономическое развитіе буржуазнаго общества неизбѣжно ведетъ къ гибели мелкой промышленности. Монополизація средствъ производства идетъ рядомъ съ вытѣсненіемъ мелкой торговли крупной, колоссальной промышленностью.

„Число пролетаріевъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ монополизируются средства производства въ пользу относительно небольшого числа капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ".

Все это находится въ прямомъ противорѣчіи съ заключеніями Бернштейна, и мы не понимаемъ, какъ онъ не чувствовалъ, насколько его мнѣнія расходятся съ мнѣніями партіи, и могъ въ ней такъ долго оставаться.

Либкнехтъ чувствовалъ опасность, которой подвергаетъ партію такая ересь, и еще на конгрессѣ въ Штутгардтѣ восклицалъ:

„Если пониманіе бернштейна правильно, то мы можемъ похоронить нашу программу, наше прошлое и всю соціалдемократію; мы должны перестать быть пролетарской партіей".

Вотъ гдѣ истинный догматизмъ! Здѣсь нѣтъ свободнаго изслѣдованія, которое одно только можетъ разрѣшить трудный вопросъ. Здѣсь прежде всего говорятъ: „если это такъ, то мы пропали; конецъ нашей соціалдемократіи, конецъ нашему положенію"! Все равно какъ какой-нибудь правовѣрный не позволилъ-бы разбирать свою догму, потому что ее могутъ найти ложной. Но куда-же мы идемъ въ такомъ случаѣ?

Соціализмъ, слѣдовательно, держится теоріей Маркса и падаетъ вмѣстѣ съ ней. Развѣ мы зашли слишкомъ далеко, когда сказали, что Марксъ—это Библія соціалдемократіи, и что искусственное зда-

ніе партіи воздвигнуто и падаетъ вмѣстѣ съ догмой Маркса о капиталѣ?

Но мыши уже начинаютъ подтачивать основаніе постройки; то здѣсь, то тамъ уже попадаются трещины, расщелины, дыры, чрезъ которыя можно видѣть и чувствовать, что святая вѣра въ марксизмъ готова поколебаться со всѣхъ сторонъ.

Авторитетъ, въ которомъ начинаютъ сомнѣваться, уже больше не авторитетъ! Даже такіе старые марксисты, какъ Бернштейнъ, начинаютъ теперь колебаться. Да, марксизмъ погибаетъ.

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, ошибка заключается не только въ самомъ Марксѣ, но и во всѣхъ его послѣдователяхъ, которые слишкомъ превозносятъ его ученіе. Сначала сдѣлаютъ изъ человѣка божество, а потомъ жалуются, что онъ позволилъ почитать себя какъ таковое и согласился на обожаніе.

Несомнѣнно, что впослѣдствіи марксизмъ назовутъ догматическимъ соціализмомъ. Остановимся теперь на тѣхъ политическихъ совѣтахъ, которые даетъ Бернштейнъ, какъ умственный руководитель партіи. Онъ, кажется, считаетъ соціализмъ далекимъ идеаломъ, потому что занимается предварительно только выработкой условій, которыя приведутъ къ его осуществленію. Въ ожиданіи будущихъ событій, его можно назвать просто демократомъ, и мы думаемъ, что борьба была бы гораздо честнѣе, если-бы онъ отбросилъ слово соціалъ — и показалъ бы себя тѣмъ, кто онъ есть. Пока-же онъ называетъ себя соціалистомъ—опъ сознательный или безсознательный самозванецъ.

Прослѣдите, что дѣлаютъ соціалдемократы въ парламентахъ, и вы увидите, что они пропагандируютъ все, кромѣ соціализма. Всѣ соціалдемократы, находящіеся въ парламентахъ, работаютъ для государственнаго соціализма, да иначе и не можетъ быть, потому что они неизбѣжно должны работать въ этомъ направленіи.

Вмѣсто того, чтобы ослабить государство, чтобы

современемъ его легко упразднить и помѣстить въ музей рѣдкостей, они стараются его усилить, и у государства нѣтъ болѣе прочныхъ и вѣрныхъ друзей, какъ соціалдемократы.

Бернштейнъ считаетъ границей соціализма устройство общинной организаціи общества. Первымъ условіемъ осуществленія соціализма онъ считаетъ опредѣленную степень развитія соціализма, а вторымъ—захватъ власти партіей рабочаго класса, т. е. соціалдемократіей. Въ переходный періодъ форма пользованія этой властью есть, по Марксу, диктатура пролетаріата. Что касается перваго условія, Бернштейнъ полагаетъ, что централизація отдѣльныхъ отраслей промышленности есть первое условіе обобществленія производства и распредѣленія. Съ этимъ условіемъ связано и второе—завоеваніе пролетаріатомъ политической власти.

Все переплетается въ этой системѣ. Сначала концентрація производства, а затѣмъ передача его въ руки государства, когда власть будетъ завоевана.

Пусть всѣ скажутъ теперь, не государственный ли это соціализмъ?

Либкнехтъ, какъ настоящій фокусникъ подмѣняетъ названіе государственный соціализмъ, подставляетъ названіе государственный капитализмъ и выводитъ заключеніе, что государственный соціализмъ идетъ въ разрѣзъ съ соціалдемократіей.

Но мы поняли эти фокусы и будемъ стараться предупредить рабочихъ, чтобы они при своемъ освобожденіи, сбросивъ одно ярмо, не попали непосредственно въ другое и, освободившись отъ рабства хозяевъ—капиталистовъ, не обратились въ рабовъ государства.

Не имѣло бы никакого смысла вести такую упорную борьбу и ограничиться такимъ ничтожнымъ результатомъ.

Зачѣмъ украшать себя ложнымъ ярлыкомъ? Почему не сказать открыто, кто ты есть и какую цѣль преслѣдуешь?

Въ книгѣ Бернштейна есть одно достоинство. Онъ совѣтуетъ своимъ друзьямъ больше не выставлять себя тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности они никогда не были.

Захватъ политической власти можетъ совершиться двумя различными путями: при помощи парламентской борьбы съ избирательнымъ билетомъ въ рукахъ и всякими другими легальными способами, или же при помощи насилія, посредствомъ революціи.

Марксъ и Энгельсъ склонялись къ послѣднему способу, и теперь еще многіе послѣдователи Маркса считаютъ его неизбѣжнымъ.

Намъ всегда казалось, что разница между анархизмомъ и соціалдемократіей болѣе глубока, чѣмъ думаютъ обыкновенно, и что различіе этихъ двухъ теченій вытекаетъ изъ совершенно противоположнаго пониманія ими общества.

Какъ можно назвать соціализмомъ завоеваніе власти, напримѣръ, Жоресомъ или Руанэ?

Какъ могъ лондонскій конгрессъ 1896 года высказаться иначе, чѣмъ: „завоеваніе политической власти—это единственное средство, посредствомъ котораго рабочіе могутъ добиться эмансипаціи, добиться правъ человѣка и гражданина и устроить международную соціалистическую республику".

Итакъ, нужно завоевать политическую власть!

Это какъ будто очень просто и очень красиво. Но подумали ли о томъ, что собственно это означаетъ?

Мы попробуемъ разъяснить всѣмъ, что означаетъ завоеваніе политической власти.

Современныя государства почти повсемѣстно ввели парламентскую систему, родоначальницей которой является Англія; въ общихъ чертахъ эта система почти одинакова во всѣхъ странахъ.

Есть три рода власти: 1) власть исполнительная. 2) законодательная. 3) судебная.

Исполнительная власть—это вѣнецъ, высочайшій авторитетъ, которымъ облекаетъ себя правительство.

Законодательная власть, обыкновенно, дѣлится на двѣ палаты; первая палата—или Сенатъ, вторая—или Парламентъ. Любопытно остроумное объясненіе, которое дали слову парламентъ (Parlement); оно состоитъ изъ двухъ словъ: parle—говоритъ и ment—лжетъ. Можно-ли лучше охарактеризовать парламентаристовъ, чѣмъ этими двумя словами?

Судебная власть назначается исполнительной, яко-бы для отправленія правосудія. Судебные чиновники назначаются почти всегда пожизненно и, такимъ образомъ, только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ удается избавиться отъ этихъ господъ.

Слѣдовательно, невозможно оказывать давленіе ни на первую, ни на третью власть.

Остается власть законодательная.

Никакое предложеніе не можетъ получить силы закона безъ одобренія какъ первой, такъ и второй палаты.

Возьмемъ для примѣра Голландію.

Мы разрѣшаемъ каждому замѣнять слѣдующія цифры какими ему угодно.

Первая палата состоитъ изъ 50, а вторая изъ 100 членовъ, поэтому ее называютъ палатой 100 или № 100.

Избирательное право этой страны не всеобще для всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, но ограничено.

По существу этотъ вопросъ не важенъ для дѣла, но завоеваніе политической власти тогда труднѣе.

Прежде всего нужно стремиться пріобрѣсти во второй палатѣ хотя-бы 50+1 голосъ, или 51 демократа, потому что во всѣхъ странахъ половина голосовъ плюсъ одинъ—получаетъ право угнетать вторую половину минусъ одинъ.

Добиться такого большинства не легко.

Въ Германіи всеобщее избирательное право существуетъ съ 1866 года, т. е. почти 34 года, а удалось провести за это время только 56 соціалдемократовъ при общемъ количествѣ членовъ рейхстага около 400 человѣкъ. Становится все труднѣе пріі-

обрѣтать мѣста; удается добиться мѣста, только заключивъ компромиссъ съ другими партіями, что всегда сопровождается ослабленіемъ собственныхъ принциповъ. Предположимъ даже, что партіи удается захватывать почву въ той же пропорціи; тогда можно вычислить черезъ сколько лѣтъ получитсябольшинство голосовъ. Во Франціи всеобщее избирательное право существуетъ еще дольше, т. е. съ 1848 года, а каково число соціалистовъ разныхъ оттѣнковъ въ сравненіи съ числомъ остальныхъ членовъ палаты?

Прежде всего еще не слѣдуетъ увлекаться значеніемъ всеобщаго избирательнаго права: вѣдь можно прекрасно орудовать при помощи подкупа.

Взгляните на Соединенныя Штаты Сѣверной Америки, гдѣ—всякій это знаетъ—побѣду одерживаетъ всегда та партія, у которой туже набитъ кошелекъ. Во время выборовъ долларъ рѣшаетъ все дѣло. Если-бы всеобщее избирательное право могло быть лучшей гарантіей отъ тиранніи, почему-бы такіе деспоты, какъ Бисмаркъ въ Германіи, вводили-бы его и такъ умѣли-бы использовать въ своихъ интересахъ, какъ Наполеонъ III во Франціи. Если кто-либо имѣлъ когда-нибудь право, всходя на престолъ сказать: „я здѣсь во имя закона", такъ это именно Наполеонъ III послѣ плебесцита.

Итакъ, мы видимъ, что во всякомъ случаѣ пройдетъ очень много лѣтъ, пока получится большинство во второй палатѣ.

Но предположимъ даже, что этого достигли.

Положеніе еще не измѣняется, такъ какъ теперь необходимо имѣть большинство и въ первой палатѣ.

Какъ составлена первая палата?

Къ ней всегда очень подходило у насъ, въ Голландіи, названіе представительницы денежныхъ тузовъ.

И тамъ нужно имѣть большинство въ 25+1 голосовъ.

Можно-ли себѣ представить, чтобы соціалдемократы могли когда-нибудь пріобрѣсти большинство среди представителей денежныхъ тузовъ?

Добиваться цѣли, недостижимость которой заранѣе извѣстна, значитъ выдать вексель на безконечность.

Но допустимъ, что невозможное станетъ возможнымъ и во второй палатѣ получится большинство въ 50+1 голосовъ, а въ первой въ 25+1. Тогда, значитъ, все готово?

Стой! Не станемъ торопиться выводить заключенія.

Мы сталкиваемся теперь съ исполнительной властью. Предположимъ, что она отказывается выполнить предписанія законодательной власти, что она грубо пренебрегаетъ ими; что дѣлать въ такомъ случаѣ?

Исполнительная власть должна удалиться, торжественно отвѣчаютъ намъ.

Но если она не захочетъ удалиться?

Тогда отвергнуть бюджетъ и заставить правительство подчиниться, отказавъ ему въ деньгахъ.

А если и это не поможетъ?

Вы преувеличиваете, скажутъ намъ: оно вынуждено будетъ уступить.

Мы въ этомъ не увѣрены. Почему?

Потому что за послѣдніе годы произошло два факта, которые намъ показали, что когда приходится сталкиваться съ правительственными лицами, обладающими жестокимъ характеромъ, то съ ними вовсе не такъ легко бороться.

Когда Бисмаркъ былъ прусскимъ министромъ, его особенно ненавидѣли, какъ реакціонера, націоналъ-либералы, которые составляли тогда большинство въ прусскомъ ландтагѣ. Желая отъ него освободиться, они отвергли его бюджетную смѣту, разсчитывая, что онъ вынужденъ будетъ послѣ этого уйти.

Но ничего подобнаго не случилось. Бисмаркъ остался у власти, поддерживаемый „своимъ другомъ“ прусскимъ королемъ. Онъ нисколько не безпокоился о непріятномъ приключеніи въ ландтагѣ и управлялъ страной безъ всякаго бюджета.

Разразившаяся въ 1864 году германско-датская война окончилась побѣдой надъ маленькой Даніей. Затѣмъ послѣдовала въ 1866 году война между Пруссіей и Австріей, и также окончилась успѣхомъ Пруссіи. Успѣхъ управляетъ міромъ. Бисмаркъ одержалъ теперь столько побѣдъ, что изъ человѣка, всѣми раньше ненавидимаго, обратился въ популярнѣйшую личность. Всѣ старые грѣхи его были забыты, и онъ вошелъ въ милость. Или лучше сказать, могущественный Бисмаркъ былъ такъ безконечно добръ, что оказалъ милость членамъ партіи національ-либераловъ, хотя онъ никогда не забывалъ имъ прошлаго.

Уступка, сдѣланная Сѣверо-Германскому союзу введеніемъ всеобщаго избирательнаго права, была местью Бисмарка національ-либераламъ. Планъ его удался вполнѣ. Всеобщей подачей голосовъ онъ уничтожилъ національ-либераловъ, которые имѣли до этого большинство голосовъ.

Подобный фактъ произошелъ и въ Даніи, гдѣ министръ Эструпъ нѣсколько лѣтъ оставался у власти при помощи короля, хотя каждый годъ большинство отвергало его бюджетную смѣту.

Какимъ орудіемъ обладаетъ законодательная власть для обузданія власти исполнительной?

Никакимъ.

Что можно сдѣлать съ исполнительной властью, располагающей арміей, когда она пошлетъ отрядъ солдатъ, чтобы силой разогнать палату.

Только силой можно освободиться; сила же заключается не въ парламентскихъ коллегіяхъ, а въ той исполнительной власти, которая дѣйствуетъ.

Лассаль отлично высказалъ это въ своей публичной лекціи Uber Verfassungwesen:

„Государямъ гораздо лучше служатъ, чѣмъ народу! Слуги государей—не говоруны-ораторы, какими часто бываютъ слуги народа, но люди практическіе, которые умѣютъ дѣйствовать“.

Поэтому въ 1848 году власти прежде всего поспѣшили обезоружить гражданъ. Это былъ самый

умный способъ предупредить возобновленіе борьбы.

Вотъ, слѣдовательно, каково настоящее положеніе вещей.

Правительство служитъ теперь орудіемъ, которымъ пользуется имущій классъ для угнетенія неимущихъ, и можно-ли надѣяться, что оно добровольно откажется отъ своей власти?

Законодательная власть, предположимъ, старается проводить законы, посредствомъ которыхъ она уменьшала бы права имущихъ классовъ; напримѣръ, она увеличитъ налоги на наслѣдство настолько-то процентовъ, скажемъ въ среднемъ ежегодно на 4%; за 25 лѣтъ всѣ капиталы перешли бы такимъ образомъ въ руки государства. Но развѣ имущій классъ не используетъ всѣ средства, даже контръ-революцію, чтобы помѣшать осуществленію такой мѣры?

Возможно-ли предположить, что если большинствомъ голосовъ рѣшатъ упразднить королевскую власть, то король спокойно скажетъ: „я вижу, что вы больше не хотите моихъ услугъ, и ухожу". Никогда! Тотъ, кто командуетъ арміей, все пуститъ въ ходъ, но никогда добровольно не согласится покинуть свой легкій и доходный постъ.

Что можетъ сдѣлать парламентаризмъ, напримѣръ, противъ скопленія капитала, организаціи трестовъ, изобрѣтенія болѣе усовершенствованныхъ машинъ? Абсолютно ничего. Капиталъ означаетъ деспотизмъ. Это бронированный гигантъ, о который толкнутся кипы парламентскихъ бумагъ, не причинивъ ему никакого вреда.

Всегда кричать: „завоеваніе политической власти"! Но пусть рабочіе разъ навсегда отдадутъ себѣ отчетъ въ значеніи этой фразы, пусть они поймутъ, что такимъ образомъ рѣшеніе вопроса отодвигается на очень отдаленное будущее, быть можетъ, на тысячи лѣтъ, и рабочіе не позволятъ дальше обманывать ихъ этими словами.

Всеобщее избирательное право безъ экономическаго равенства только наглый обманъ. Десяти-

рублевая монета имѣетъ для голоднаго гораздо больше значенія, чѣмъ всѣ будущія блага, обѣщаемыя соціалистами.

Тяжело быть вынужденнымъ говорить такія вещи прежнимъ товарищамъ въ борьбѣ, которыя въ сущности сознаютъ это такъ же, какъ и мы.

Прочтите прекрасную брошуру Либкнехта: *„Политическая тактика соціалдемократіи по отношенію къ парламенту 1869 года.* Если я часто говорю о Либкнехтѣ и нѣмцахъ, такъ потому, что я предпочитаю брать оригиналъ, а не копію съ него, которая часто бываетъ каррикатурной, какъ, напримѣръ, въ Голландіи. Въ промышленности извѣстно выраженіе: made in Germany (сдѣлано въ Германіи); такъ можно сказать и о международной соціалдемократической партіи: made in Germany, то есть сдѣлано по нѣмецкому образцу.

Вы тамъ прочтете, что всеобщее избирательное право въ самодержавномъ государствѣ можетъ быть только игрушкой, орудіемъ абсолютизма, что оно введено не какъ рычагъ демократіи, а какъ оружіе для защиты реакціи. Либкнехтъ дошелъ даже до того, что утверждаетъ, что въ Пруссіи нѣтъ ни одного депутата рейхстага, а слѣдовательно и соціалдемократа, съ кандидатурой котораго правительство серьезно боролось. Напомнимъ еще, что пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ:

„Предположимъ, что правительство не пользуется своимъ правомъ, по увѣренности-ли въ своей силѣ или по расчету, и что удастся (какъ мечтаютъ нѣкоторые соціалъ-политики) создать въ парламентѣ соціалдемократическое большинство. Что станетъ оно дѣлать? Тутъ начинаются затрудненія. Насталъ моментъ реформировать общество и государство. Большинство принимаетъ рѣшеніе, составляющее эру въ лѣтописяхъ всемірной исторіи: новыя времена настали! Но ничего подобнаго... Рота солдатъ выгоняетъ изъ храма соціалдемократическое большинство, а если эти господа сопротивляются, являются нѣсколько полицейскихъ агентовъ и отводятъ ихъ

въ полицейскій участокъ, гдѣ у нихъ будетъ достаточно досуга для размышленій о своемъ донкихотствѣ".

Разсказывать такія вещи, значитъ убѣждать людей и безъ того убѣжденныхъ. Они это хорошо знаютъ, но все же ведутъ рабочихъ въ противоположную сторону. Соціальный вопросъ уже вполнѣ рѣшенъ для этихъ людей, разъ только онъ рѣшенъ лично для нихъ.

Въ теченіе 25 лѣтъ, что я имѣлъ возможность наблюдать положеніе дѣлъ въ различныхъ странахъ, я видѣлъ, какъ множество горячихъ прежде соціалистовъ обратилось въ почтенныхъ парламентаристовъ, завитыхъ и напомаженныхъ. Прежде они были бѣдные, но честные люди, посвятившіе себя святому дѣлу, а теперь эти люди живутъ въ лучшихъ условіяхъ, свободны отъ заботы и измѣнились въ корнѣ. Они теперь проповѣдуютъ терпѣніе, потому что у нихъ есть время ждать, и они обращаются къ бѣднымъ пролетаріямъ съ тѣми самыми словами, которыми когда-то издѣвались надъ нимъ ихъ противники.

Бернштейнъ, кажется, тоже смотритъ на выборы и парламентскую дѣятельность, какъ на трудъ отрицательный; по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ: „гораздо меньшій процентъ работниковъ принимаетъ участіе въ положительной работѣ соціалистической эмансипаціи". Въ концѣ 1897 года въ Германіи насчитывали 420.000 рабочихъ союзовъ, организованныхъ по профессіямъ, число лицъ которыхъ доходило до 6.165.735 чел.; если къ этому прибавить 80.000 членовъ Гиршъ-Дункеровскаго союза, то получится такое соотношеніе: 1 организованный рабочій на 11 неорганизованныхъ.

Онъ признаетъ и то, что и мы всегда утверждаемъ, что марксисткая практика является прежде всего политикой, ставящей себѣ задачей завоеваніе политической власти, въ ущербъ всему прочему, хотя бы организаціи корпоративнаго могущества. Нельзя, конечно, высказать открыто, чтобы этимъ не

повредитъ въ моментъ выборовъ, то неудовольствіе, съ которымъ встрѣчаютъ различныя стачки, и ту осмотрительность, съ которой ихъ предлагаютъ, точно обоюдоострый мечъ. Впрочемъ, совершенно излишнее говорить: рабочіе сами отлично это чувствуютъ. Стачку, конечно, поддерживаютъ, когда иначе нельзя поступить, но въ душѣ отворачиваются съ отвращеніемъ.

Сколько разъ отказывали стачечникамъ въ денежной поддержкѣ отъ имени центральной кассы подъ предлогомъ, что денегъ нѣтъ, въ то время, когда ихъ всегда было довольно для поддержки кандидата въ палату или въ муниципальный совѣтъ. Центръ тяжести соціалдемократіи сосредоточенъ въ борьбѣ политической, а не экономической, и такъ какъ сразу нельзя служить двумъ господамъ, то всѣ свои симпатіи, всю любовь она приберегаетъ для выборовъ.

Всѣ политики съ отвращеніемъ и недовѣріемъ смотрятъ на экономическую борьбу, которая должна дать возможность организованному пролетаріату осуществить, вопреки всѣмъ законодательствамъ, его революціонныя цѣли. Это видно, напримѣръ, изъ взгляда партіи на всеобщую стачку.

Такимъ образомъ, требованія обѣихъ партій (анархіи и соціалдемократіи) діаметрально противоположны. Одни хотятъ увеличить власть государства или, какъ выразился одинъ изъ нихъ, развить государство во всемъ его величіи и чистотѣ, а мы, наоборотъ, не только не намѣрены увеличивать власть государства, но даже хотимъ у него отнять и ту власть, которой оно сейчасъ пользуется.

Много говорятъ объ утопіи и бросаютъ въ лицо анархистамъ это обвиненіе; но мы очень хотѣли-бы знать, какимъ инымъ словомъ, кромѣ утопизма, можно назвать тѣ усилія, цѣлью которыхъ является—увеличить значеніе буржуазнаго парламента и при помощи захвата государственной власти учредить и организовать соціалистическое общество?

Если, согласно резолюціи лондонскаго конгресса,

цѣлью должно быть завоеваніе политической власти, и такимъ путемъ можно добиться соціализма, то мы думаемъ, что марксисткое направленіе этой партіи представляетъ чистѣйшій соціалистическій утопизмъ.

Въ высшихъ кругахъ соціалдемократіи никто не вѣритъ такому исходу, даже Бернштейніанцы. Мы уже указывали, что правительства располагаютъ во всѣхъ странахъ такими средствами власти и могущества, которыя отдаютъ въ ихъ руки войско, суды, полицію, т. е. пушки, ружья, тюрьмы; эти средства удерживаютъ всякую силу, всякія права далеко не на сторонѣ народныхъ представителей, а только на сторонѣ правительства.

Все зависитъ отъ разрѣшенія главнаго вопроса: управляютъ ли экономическіе факторы всѣмъ и, слѣдовательно, политикой, или же политическіе интересы управляютъ экономическими?

По марксисткимъ воззрѣніямъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ въ первомъ смыслѣ. Но тогда, по понятіямъ марксиста, поступать на практикѣ, какъ нѣмецкая и вслѣдъ за ней и соціалдемократія другихъ странъ, является необычайной ересью. Она поступаетъ такъ, какъ будто признаетъ второе рѣшеніе вопроса.

Эта логическая ошибка должна имѣть роковыя послѣдствія, и она ихъ имѣетъ, такъ какъ теоретически нельзя уже поддерживать такую тактику.

Парламентъ, собственно говоря, есть легальная машина буржуазнаго общества, покоющагося на частной собственности, и можетъ быть использованъ только этимъ обществомъ и для буржуазнаго класса, который имъ управляетъ.

Пусть непричастный свидѣтель поведетъ насъ въ самую демократическую въ мірѣ страну—Соединенные Штаты, гдѣ все подчинено власти денегъ. Мы говоримъ объ американскомъ Ллойдѣ.

Въ настоящее время трестъ этотъ имѣетъ такую власть, что управляетъ всѣмъ.

Кто хочетъ съ нимъ познакомиться, пусть начнетъ съ желѣзныхъ дорогъ. Въ Америкѣ онѣ составляютъ собственность частныхъ обществъ и, несмотря на

множество различныхъ узаконеній, общества эти поступаютъ, какъ имъ угодно. Кто состоитъ собственникомъ большихъ путей сообщеній, тотъ фактическій хозяинъ всѣхъ отраслей промышленности, такъ какъ товары неизбѣжно должны перевозиться по этимъ путямъ.

Одинъ отчетъ говоритъ: „желѣзно-дорожныя общества, кромѣ транспорта, взяли въ свои руки обработку рудниковъ и вошли въ соглашеніе для установленія порядка этого производства и установленія цѣнъ на его продукты“.

Нефтяная промышленность появилась съ 1860 года. Существовалъ свободный рынокъ для сбыта, и нефтяное производство въ нѣкоторыхъ округахъ процвѣтало; заработная плата была высока. Около 1872 года годичное производство достигло 6 милліоновъ тоннъ.

Вдругъ, неизвѣстно по какой причинѣ, появилась паника.

Слѣдственная коммиссія открыла, что небольшая группа лицъ, обладавшая огромнымъ талантомъ для веденія дѣлъ, 13 лицъ, назвавшись South Improvement Compapy (Общество улучшенія дѣлъ на Югѣ) тайно соединилась съ однимъ желѣзнодорожнымъ обществомъ, чтобы обезпечить себѣ такимъ образомъ монополію торговли нефти.

Правда, общественное мнѣніе заволновалось и добилось расторженія этой „комбинаціи“, но таковая не замедлила возобновиться въ другой формѣ. Изъ этихъ тринадцати членовъ десять вошли въ составъ *Standard Oil Trust*. По требованію общества правительство издало безконечное множество постановленій, ограниченій; но ничто не помогло. Трестъ сумѣлъ уничтожить всякую конкуренцію.

Въ 1865 году начало входить въ употребленіе проводить нефть посредствомъ трубъ. Такимъ образомъ для транспорта ея уже можно было обойтись безъ помощи желѣзно-дорожныхъ обществъ. Въ 1894 году было уже 20 линій нефтепроводовъ. Но при „соглашеніи“ съ желѣзно-дорожными обществами, транспортъ обходился настолько дешево, что было не-

выгодно употреблять самые лучшіе нефтепроводы. Нефтепроводные пути были разобраны. „Соглашеніе“ скупило ихъ тогда по цѣнѣ желѣзнаго лома и захватило такимъ образомъ всю канализацію въ свои руки. Транспортъ нефти по желѣзной дорогѣ и по трубамъ сосредоточился такимъ образомъ хотя и подъ разными названіями, но все же въ однѣхъ рукахъ. Всѣ продукты нефтяной промышленности оказались во власти „соглашенія“.

Какое-то другое общество попробовало сдѣлать попытку устроить нефтепроводъ по направленію къ берегу, такъ называемый Bide Water Pipe Line; трестъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы эта попытка прогорѣла. Наконецъ, канализація была совершенно испорчена; кто-то случайно (!) вставилъ въ трубы деревянный чурбанъ. Виноватаго, конечно, не нашли, но всѣ знали, кого винить. Въ 1883 году этому обществу пришлось заключить миръ съ трестомъ. Вотъ какимъ образомъ удалось сосредоточить въ Америкѣ громаднѣйшую нефтяную торговлю въ рукахъ товарищества изъ семи лицъ, большихъ артистовъ въ дѣлахъ, Наполеоновъ финансовъ и промышленности.

Другой примѣръ даетъ намъ водочный трестъ.

Въ 1888 году всѣ винокуренные заводы за исключеніемъ двухъ были въ рукахъ треста. Одинъ изъ двухъ заводовъ былъ въ Чикаго. Трестъ сталъ думать о томъ, что бы такое предпринять по отношенію къ одному конкуренту, не желающему войти въ соглашеніе съ другими. Въ апрѣлѣ администрація этого завода открыла у себя шпіона; всѣ понимали, кто и зачѣмъ его туда помѣстилъ. Въ сентябрѣ замѣтили, что одинъ изъ предохранительныхъ клапановъ котла такъ напряженъ, что не хватись они во время, произошелъ бы страшный взрывъ. Въ октябрѣ управленіе завода объявило, что оно отказалось взять милліонъ долларовъ, предложенный трестомъ, а въ декабрѣ произошелъ взрывъ динамита; виновники взрыва не были обнаружены. По счастливой случай-

ности фабрика не пострадала, хотя получила значительныя поврежденія.

Въ 1891 году секретарь треста былъ внезапно арестованъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ хотѣлъ подкупить одного изъ акцизныхъ чиновниковъ, чтобы взорвать остававшійся независимымъ заводъ. Секретаря отдали подъ судъ, но администраторы треста рѣшили его поддержать. Каковъ былъ результатъ? Съ секретаря сняли всѣ обвиненія и отпустили на свободу.

Чѣмъ кончилось слѣдствіе?

Одинъ акцизный чиновникъ показалъ, что у него былъ разговоръ съ секретаремъ, и тотъ говорилъ ему:

„Вы можете устроить прекрасное дѣло, какъ для себя, такъ и для насъ. Вы можете заработать 10.000 долларовъ (20.000 руб.), скажу даже 25.000 долларовъ (50.000 руб.). „Чиновникъ сообщилъ объ этомъ своему начальнику, который далъ ему такой совѣтъ: „продолжайте переговоры, но всегда сообщайте мнѣ обо всемъ". Чиновникъ повиновался. На второмъ свиданіи секретарь заговорилъ объ одномъ предметѣ, который нужно было положить подъ паровой котелъ завода. „Черезъ три или четыре часа произойдетъ взрывъ; никто не пострадаетъ, даже хозяева завода, такъ какъ у нихъ все застраховано, а другимъ взрывъ принесетъ пользу".

На третье свиданіе секретарь принесъ цѣлую адскую машину и необходимыя наставленія. Нужно было еще на нѣсколько дней отложить взрывъ, такъ какъ секретарь хотѣлъ предварительно купить себѣ еще нѣсколько долей въ трестѣ, раньше чѣмъ онѣ значительно вздорожаютъ съ устраненіемъ послѣдняго конкурента.

Чиновникъ представилъ аппаратъ судебной власти и подалъ жалобу. Съ согласія прокурора, принявшаго его сначала за умалишеннаго, чиновникъ написалъ письмо секретарю относительно нѣкоторыхъ деталей взрыва и просилъ свиданія. Секретарь явился въ назначенную гостиницу, гдѣ былъ арестованъ.

Судебная власть изслѣдовала аппаратъ и взрывчатое вещество, которое нужно было употребить. Какой результатъ дало изслѣдованіе? Оказалось, что *взрывъ произошелъ бы не черезъ три часа, а черезъ три секунды послѣ помѣщенія механизма*! Такимъ образомъ избавились бы не только отъ конкурента, но въ то же время отъ опаснаго свидѣтеля преступленія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заводъ былъ таки купленъ трестомъ.

Мы говорили здѣсь лишь о попыткѣ къ преступленію и о фактѣ скупкѣ; но мы могли бы указать и дѣйствительно совершенныя преступленія по отношенію къ упорнымъ конкурентамъ. Все пускается въ ходъ, чтобы добиться цѣли.

Монополисты-милліонеры, а милліонеры управляютъ производствомъ и, слѣдовательно, жизнью.

Что можетъ сдѣлать законодательство въ такомъ порядкѣ вещей?

Издаются всевозможные законы, чтобы свергнуть съ престола этихъ золотыхъ королей; но на практикѣ эти законы недѣйствительны. Закопъ—это сѣть съ достаточно широкими петлями, черезъ которыя легко проскользнуть.

И судъ ничего не можетъ сдѣлать. Почитайте жалобы фабричныхъ инспекторовъ и инспектрисъ, обвиняющихъ фабрикантовъ, и вы увидите, что ихъ никогда не наказываютъ, а если къ чему-нибудь и присуждаютъ, такъ только къ до смѣшного незначительнымъ штрафамъ.

Бываютъ случаи штрафовъ въ 250 долларовъ и въ 5 коп.

Власть денегъ уничтожаетъ всѣ законы.

Судьи подчинены ей, а судебныя правительственныя учрежденія служатъ мѣстомъ сдѣлокъ.

Развѣ вся политика не стала аферой? Развѣ политика не игра въ полишинеля?

Во время одного судебнаго разслѣдованія спросили предсѣдателя сахарнаго треста, тратитъ ли его учрежденіе деньги на выборы; онъ отвѣтилъ:

„Всегда тратитъ. *Въ ньюіоркскомъ штатѣ, гдѣ де-*

макраты могутъ взять верхъ ничтожнымъ большинствомъ, мы стараемся имѣть ихъ на своей сторонѣ. Въ массачузетскомъ штатѣ, гдѣ могутъ пройти республиканцы, мы ихъ поддерживаемъ; вездѣ, гдѣ есть могущественное и властное большинство, мы поддерживаемъ его нашими деньгами, потому что это большинство управляетъ всѣми мѣстными дѣлами. Къ мѣстнымъ дѣламъ принадлежатъ также выборы въ Сенатъ и выборы президента".

Власть денегъ господствуетъ въ политикѣ.

Извѣстная американская газета „Neu Iork World" высказала однажды мнѣніе, что ратификація договора о выдачѣ преступниковъ, заключеннаго въ 1894 году Соединенными Штатами и Россіей, состоялась при содѣйствіи нефтяного треста, Standart Oil Trust, который получилъ взамѣнъ услугу отъ русскаго правительства: оно вошло въ соглашеніе съ трестомъ противъ русскихъ нефтепромышленниковъ.

Церковь тоже къ услугамъ денежнаго могущества. Вотъ хорошій примѣръ.

Директоръ одной независимой нефтяной компаніи былъ очень набожный человѣкъ. Онъ былъ членомъ приходскаго совѣта. Однажды является къ нему пасторъ прихода съ совѣтомъ отказаться отъ участія въ приходскихъ дѣлахъ, потому что онъ упорствуетъ и продаетъ керосинъ безъ соглашенія съ трестомъ. Многіе члены прихода считали его упрямцемъ и агитаторомъ. Онъ былъ страшно возмущенъ этимъ культомъ золота, проникшимъ даже въ самую церковь.

Одна авторитетная церковная газета увѣряла, что четыре главныхъ администратора нефтяного треста прекрасные христіане, „тщательно выполняющіе свои религіозныя обязанности и принимающіе огромное участіе въ милосердныхъ и филантропическихъ христіанскихъ учрежденіяхъ". Ихъ хвалили какъ добрыхъ христіанъ, потому что они давали много денегъ; но это не мѣшало имъ безсовѣстно обирать своихъ единовѣрцевъ. Церковь нисколько не интересуется, какимъ способомъ достаютъ ея слуги деньги,

лишь-бы только они ей давали. Что такое благотворительность, какъ не захватъ въ крупномъ видѣ и пожертвованіе въ маломъ. Отдающій десятую или немного большую часть своей добычи на благотворительныя дѣла получаетъ отъ церкви разрѣшеніе дѣйствовать, и его расхваливаютъ, какъ благодѣтеля рода человѣческаго.

О представителѣ треста говорили: „онъ такъ хорошо молится“!

Дошло даже до того, что одинъ изъ высшихъ служителей церкви расхваливалъ Standard Oil Trust, какъ „учрежденіе справедливое и христіанское. Всѣ нападки соціалистовъ можно приписать злости тѣхъ, кто завидуетъ благосостоянію другихъ“.

Въ этомъ разсужденіи есть доля правды; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что подобный трестъ является справедливымъ христіанскимъ учрежденіемъ!

Ллойдъ какъ-то выразился:

„Мечта цезаря, желавшаго, чтобы его подданные имѣли только одну голову, чтобы однимъ ударомъ можно было ее отрубить, въ настоящее время осуществилась въ системѣ нашей все удушающей промышленности. Тресту стоитъ только немного стянуть шнурокъ, и всѣ шеи задавлены“.

Это совершенно вѣрно. Если будетъ господствовать принципъ: брать какъ можно больше, давать какъ можно меньше, при экономическомъ и законномъ господствѣ нѣсколькихъ надъ громаднымъ большинствомъ, — а это вполнѣ возможно при современной организаціи общественаго строя; если такой ходъ вещей не измѣнится и не остановится, то въ результатѣ можетъ получиться возвращеніе къ прежнему рабству. Можно придумать болѣе красивое названіе, но въ дѣйствительности ничего лучшего не получится. Вѣдь сказалъ же Маколей; „если наша цивилизація будетъ уничтожена, такъ это сдѣлаютъ варвары не изъ низшихъ общественныхъ классовъ“.

Нѣтъ, наши варвары идутъ сверху. Наука для денежныхъ королей—это роспись финансовыхъ оборотовъ,

собранныхъ благодатной природой для трестовъ; правительство—это источники національныхъ привилегій, это шаланды для товаровъ.

Но нашъ писатель дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе:

„Быть можетъ, администраторы трестовъ злые чудовища?

„Нѣтъ. Тиранъ нашъ—нашъ собственный идеалъ, сдѣлавшійся плотью и кровью людей, рожденныхъ управлять.

„Мы сдѣлали ихъ такими, какъ они есть. Всякое правительство есть представительство; одинаково и правительство въ промышленности; мы ошибаемся, когда ищемъ рѣшенія этихъ вопросовъ, считая, что дѣловые короли худшей породы, чѣмъ мы. Они только дѣлаютъ больше зла. Существуетъ соперничество во злѣ и побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе. Если случается еще что-нибудь болѣе низкое, тогда они соперничаютъ другъ съ другомъ, и если не одержатъ верхъ, то бранятся. А буржуазная масса болѣе или менѣе скрыто завидуетъ, что не ей удалось нанести такой хорошій ударъ".

Очевидно, демократія и плутократія могутъ отлично итти рядомъ, и плутократія можетъ обратить демократію въ фикцію.

Панама и дѣло юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ доказали, что всѣ политическія партіи скомпрометировали себя и что въ этомъ отношеніи имъ нечего другъ друга упрекать. Очевидно, что онѣ даже охотно щадятъ другъ друга, потому что хорошо чувствуютъ, hodie tibi: cras mihi (сегодня тебѣ, завтра мнѣ).

Предполагаютъ, что когда всѣ существующія монополіи преобразуются въ одну государственную, то прекратятся всѣ злоупотребленія и наступитъ конецъ общественнымъ бѣдствіямъ.

Наивное предположеніе! Будетъ измѣнена форма и ей дадутъ болѣе красивое имя, но сущность вещей останется той-же и не станетъ лучше. Государственный соціализмъ, который рисуютъ себѣ парла-

ментаристы, съ его государственной монополіей создаетъ изъ людей рабовъ государства, быть можетъ, сытыхъ, но никакъ не свободныхъ гражданъ въ свободномъ обществѣ.

Но соціалдемократія потеряла чувство свободы... Иначе Каутскій не могъ бы писать во время конгресса слѣдующее:

„Въ соціалистическомъ обществѣ всѣ средства производства будутъ сосредоточены въ рукахъ государства и не будетъ выбора. *Рабочіе нашихъ дней пользуются большей свободой, чѣмъ будутъ имѣть въ соціалистическомъ обществѣ*“.

Великолѣпная перспектива!..

Соціалдемократы признаются, такимъ образомъ, что соціалистическое общество дастъ еще меньше свободы, чѣмъ теперешнее, и что въ будущемъ обществѣ рабочіе будутъ пользоваться меньшей свободой, слѣдовательно, усилится рабство. Мѣняютъ хозяина, но хозяева остаются. Вотъ благодѣянія соціалдемократіи по заявленію ея собственныхъ ораторовъ.

Если-бы Марксъ еще жилъ и не былъ вполнѣ поглощенъ ловлей мужиковъ (Bauernfangerei), какъ нѣмецкіе соціалдемократы, то онъ заклеймилъ бы такую соціалистическую психику психикой лавочника, такъ хорошо изображенной имъ въ его «18 брюмера» словами:

«Они притупили революціонное остріе общественныхъ требованій пролетаріата и дали имъ демократическое направленіе».

Мелкобуржуазному теченію удалось притупить остріе, и оно увлекло въ своемъ потокѣ Бебеля и Либкнехта.

Удивительно-ли, что Мерлино сказалъ объ Эрфуртской программѣ:

„Такова Эрфуртская программа, плодъ пятнадцатилѣтней соціалистической реакціи и избирательной агитаціи, основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ, данномъ рабочимъ классамъ для того, чтобы ихъ надуть, раздѣлить и совратить съ революціоннаго пути“.

Мы съ намѣреніемъ остановились на этомъ пунктѣ, потому что это главный пунктъ, вокругъ котораго происходитъ борьба.

Если ставить на второстепенное низшее мѣсто дѣйствіе экономическаго фактора, то можно пренебрегать корпоративнымъ, экономическимъ движеніемъ, и этотъ упрекъ, такъ часто бросаемый марксистамъ, нельзя отвергнуть какимъ-нибудь заявленіемъ платонической любви и невещественнымъ выраженіемъ симпатіи.

Если соціалдемократы снимутъ когда-нибудь покрывало со скульптурной группы, изображающей „Торжество демократіи“ при торжественной рѣчи какого-нибудь Мильерана, это случится тогда, когда они обезвредятъ людей, любящихъ свободу, первымъ дѣломъ анархистовъ, заключатъ ихъ въ тюрьмы, вышлютъ куда-нибудь, или же разстрѣляютъ по методѣ стараго депутата Шовэна.

Авторитетные соціалдемократы совершенно противоположны анархистамъ, потому что анархисты считаютъ торжество свободы условіемъ sine qua non, непремѣннымъ условіемъ всего, а соціалдемократы хотятъ заглушить свободу.

Какъ ни парадоксально это покажется, но разстояніе, отдѣляющее папу Льва XIII и его тѣлохранителей отъ соціалдемократической фаланги Либкнехта, Бебеля, Адлера, Вандервельда, Мильерана, Геда не такъ велико, какъ разстояніе, отдѣляющее названныхъ лицъ отъ насъ, анархистовъ. Реакція, начиная отъ Льва XIII и кончая Либкнехтомъ, это лига власти, гдѣ борются другъ съ другомъ не за принципъ власти, а за ея источники и силу; она стоитъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ защитниковъ свободы, которые находятъ, что соціальный вопросъ не разрѣшится еще тѣмъ, что наполнятъ всѣ желудки, и позволяютъ себѣ думать, что человѣкъ, мыслящій человѣкъ можетъ только тогда быть счастливъ, когда онъ дышетъ воздухомъ свободы.

Съ этой точки зрѣнія борьба между Бернштей-

номъ и Каутскимъ—Бебелемъ сущіе пустяки; и озлобленіе противъ Бернштейна понятно только тогда, если принять во вниманіе, что онъ раскрылъ тайны, которыя другіе тщательно скрывали. „Такія вещи дѣлаютъ, но объ этомъ не говорятъ“ (Ауэръ).

Каутскій рѣзко нападаетъ на Бернштейна, но не слѣдуетъ забывать, что онъ дѣлаетъ уступку хотя и съ нѣкоторыми оговорками; онъ такъ мѣшаетъ, катаетъ и переворачиваетъ теорію Маркса, что отъ нея почти ничего не остается.

Вообще Каутскій соглашается, что теорія Маркса должна быть дополнена, улучшена, приправлена cum grano salis (крупинкой соли), но въ частности онъ не допускаетъ недостатковъ или же пытается загладить ихъ такимъ обильнымъ словоизверженіемъ, что можно подумать, что крупнѣйшія ошибки Маркса составляютъ величайшія достоинства его труда.

Посмотримъ, что называетъ Бернштейнъ демократіей. Онъ не доволенъ выраженіемъ „народное господство“, и думаетъ, что гораздо ближе къ истинѣ дать демократіи отрицательное опредѣленіе, какъ отсутствіе классового господства, если рѣчь идетъ о такомъ общественномъ строѣ, гдѣ никакой классъ не пользуется привилегіей въ ущербъ другому. Онъ подходитъ близко къ анархистамъ, когда называетъ демократію отсутствіемъ господствующей власти, такое пониманіе не отличается отъ анархистскаго. Кажется, что его начинаетъ смущать угнетеніе личности большинствомъ: „Мы считаемъ сейчасъ противнымъ демократической идеѣ угнетеніе меньшинства большинствомъ, хотя это считалось первоначально вполнѣ допустимымъ при народномъ господствѣ“.

Во всякомъ случаѣ меньшинство ничего не выигрываетъ, такъ какъ даже въ соціалдемократической партіи его осуждаютъ и заставляютъ подчиниться волѣ большинства; и такимъ образомъ всегда поступаютъ противъ идеи демократіи.

Извѣстно изрѣченіе Roma locuta est (Римъ ска-

залъ), которымъ прекращались всякія разсужденія. Когда Римъ сказалъ—все кончено. И эта теорія такъ глубоко укоренилась, что недавно Бельгійскій аббатъ Даенсъ (Daens), поссорившись со своимъ епископомъ, объявилъ, что замолчитъ и подчинится только тогда, когда папа ему прикажетъ. Вотъ какъ личность ссылается на могущественный авторитетъ власти. Соціалдемократія, повсюду устроенная по образцу католической церкви, поступаетъ точно также. Можно ссориться, браниться, какъ всегда бываетъ на конгрессахъ; но какъ только конгрессъ сказалъ, все кончено, просятъ всѣхъ добрыхъ товарищей партіи подчиниться его рѣшенію.

„По мѣрѣ того какъ демократія пріобрѣтаетъ право гражданства и управляетъ общественной совѣстью, оно становится синонимомъ высшей степени свободы для всѣхъ".

Такимъ образомъ идеи „демократіи" и анархизма тожественны? Бернштейнъ начинаетъ бояться, что зашелъ слишкомъ далеко, поправляется и говоритъ: „Однако, демократія и анархизмъ не одно и то же. Демократія не отличается отъ другихъ политическихъ системъ отсутствіемъ всякихъ законовъ, а только отсутствіемъ законовъ, создающихъ привилегіи, произволъ, основанный на обладаніи имуществомъ, на принадлежности къ расѣ, вѣроисповѣданію; она отличается не полнымъ отсутствіемъ всѣхъ законовъ, опредѣляющихъ права каждаго, а только уничтоженіемъ законовъ, ограничивающихъ равенство и всеобщую равноправность".

Жаль, что онъ не указываетъ законовъ, соотвѣтствующихъ всеобщему уравненію правъ. Мы съ удовольствіемъ узнали бы, что хочетъ онъ этимъ сказать. Вѣдь говоритъ онъ, что такія выраженія, какъ деспотизмъ, тиранія и тому подобныя, могутъ примѣняться къ демократіи, только какъ къ соціальному закону, потому что всѣ ея рѣшенія принимаются большинствомъ, и что онъ признаетъ законы, принятые этимъ большинствомъ.

Конечно, демократія не даетъ безусловной защиты

отъ законовъ, которые нѣкоторые могутъ найти тираническими. Но въ нашъ вѣкъ можно съ увѣренностью сказать, что большинство какого-нибудь демократическаго сообщества не можетъ издать такого закона, который на долгое время нанесъ-бы ущербъ личной свободѣ, такъ какъ сегодняшнее большинство всегда можетъ стать завтра меньшинствомъ, и всякій законъ, угнетающій меньшинство, всегда угрожалъ-бы и самимъ членамъ временнаго большинства.

Все-таки мы ежедневно видимъ, что такъ и происходитъ: большинство каждый разъ забываетъ, что прежде оно было меньшинствомъ и жаловалось тогда на угнетеніе.

Бернштейнъ, имѣвшій въ молодости склонность къ анархизму, и тутъ доказываетъ намъ, что всегда возвращаются къ своей первой любви; но это не долго продолжается, такъ какъ тотчасъ-же онъ начинаетъ такъ странно путать демократію и анархизмъ, что получается удивительнѣйшая смѣсь.

Мы не видимъ, чтобы въ принципѣ демократія была уничтоженіемъ классоваго господства.

Прежде говорили: „всякое усиліе работать въ рейхстагѣ, всякое стремленіе сотрудничать въ законодательствѣ неизбѣжно ведетъ къ поступленію нашими принципами, ко лжи компромиссовъ и, наконецъ, въ болото, зараженное міазмами парламентаризма, уничтожающее всякую здоровую жизнь". Теперь-же видятъ даже спасеніе въ заключеніи компромиссовъ. Да, Бернштейнъ думаетъ, что его хваленая демократія — это высшая школа компромиссовъ.

Всѣ эти компромиссы покрываются взываніемъ къ вопросу о практической пользѣ и благодаря такой хитрости дурачатъ сколько угодно. Поддерживать какую-нибудь партію на выборахъ—вопросъ полезности, говоритъ Либкнехтъ. Но когда баварскіе соціалдемократы и Фольмаръ съ ними заключили въ видахъ полезности компромиссъ съ центромъ, тотъ же Либкнехтъ обратился къ Фольмару съ упрекомъ: „Нужно принимать въ расчетъ и

другіе факторы, кромѣ полезности. Чистота принциповъ, идеализмъ стремленій—вотъ тѣ укрѣпляющіе и ободряющіе факторы, которые дали намъ возможность вести до настоящаго времени нашу борьбу и которые дадутъ нашимъ послѣдователямъ необходимую горячность, чтобы непреодолимо привлечь къ себѣ все, что чувствуетъ себя угнетеннымъ и имѣетъ чувство чести и достоинства".

Нѣкоторые отвѣчаютъ, что вовсе не буржуазія пользуется ими, а, наоборотъ, они пользуются буржуазіей, значитъ, какъ Мильеранъ, желавшій въ союзѣ съ Галифэ-Вальдекъ-Руссо уничтожить милитаризмъ. А знаете-ли вы, какъ называетъ это Либкнехтъ? Измѣной партіи -и онъ правъ. Принципы недѣлимы; они должны оставаться нетронутыми, или же ихъ нужно принести въ жертву. Жюль Гедъ, Лафаргъ и Вальянъ совершенно правы въ своемъ манифестѣ противъ Мильерана, потому что соціалистъ, занимающій постъ въ буржуазномъ правительствѣ, переходитъ къ непріятелю, или-же отдаетъ себя во власть своихъ противниковъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ перестаетъ быть соціалистомъ. Кромѣ того, онъ доказываетъ, что не признаетъ классовой борьбы, потому что, пока таковая существуетъ, всѣ государства—классовыя государства и всѣ правительства—классовыя правительства. Соціалистъ, принимающій участіе въ классовомъ правительствѣ, не можетъ быть соціалистомъ, какъ бы онъ себѣ это ни воображалъ; потому что какъ соціалистъ онъ долженъ бороться съ классовымъ правительствомъ, къ которому принадлежитъ, а какъ правительственное лицо онъ борется съ соціализмомъ, поставивъ себѣ задачей погубить его. Если онъ не хочетъ измѣнить своему классу, онъ обреченъ на безсиліе, а если онъ хочетъ показать, что онъ есть, онъ неизбѣжно долженъ бороться со своимъ классомъ. Допущеніе оппозиціи въ правительство слишкомъ извѣстное средство, чтобы еще вводить насъ въ заблужденіе. *Triumvirat*, такимъ образомъ, въ принципѣ былъ правъ, но... ему не хватало логики, такъ

какъ онъ самъ храбро принялъ участіе въ парламентской работѣ.

Въ парламентской системѣ самая высшая власть принадлежитъ палатамъ; если правительство даже обладаетъ нѣсколькими прерогативами, оно фактически является только исполнителемъ рѣшеній большинства. Здѣсь можно сказать: „правительство предполагаетъ". Каждый членъ палаты является, такимъ образомъ, членомъ государственной машины.

Пусть же они будутъ логичны и осуждаютъ парламентскую дѣятельность.

Слѣдовать такому пути, какъ Жюль Гедъ и другіе, и порицать поступокъ Мильерана совершенно нелогично, потому что одно приводитъ къ другому; и можетъ казаться, что порицающій, вынужденный остаться позади, злится, что не онъ попалъ въ министерскую коллегію.

Если соціалистическая партія не можетъ раздѣлять власть съ буржуазіей, въ рукахъ которой государство представляетъ орудіе общественнаго консерватизма и угнетенія, то тѣмъ менѣе можетъ по тѣмъ же причинамъ она раздѣлять съ этой самой буржуазіей представительное право.

Парламентаризмъ царитъ какъ верховная власть или онъ ничто.

Кто принимаетъ участіе въ преніяхъ о проектѣ какого-нибудь закона, хотя бы только для протеста, кто вотируетъ даже противъ предложенія, тотъ заранѣе беретъ на себя обязательство подчиниться рѣшенію большинства, чтобы сообразовать съ этимъ свое поведеніе.

Занимаетъ ли оно постъ министра или мѣсто депутата въ парламентѣ, лицо, обладающее хотя бы крупицей исполнительной или законодательной власти, всегда отвѣтственно за принятыя рѣшенія.

По тѣмъ же причинамъ, по которымъ соціалистическая партія не можетъ быть или стать министерской, не рискуя самоубійствомъ, невозможно, чтобы она стала и партіей парламентской.

Пусть же они будутъ логичны!

А теперь мы хотѣли услышать хотя бы одинъ аргументъ противъ только что изложеннаго нами разсужденія.

Можно обуздать правительственную власть двумя различными способами: парламентскимъ или революціоннымъ путемъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ увлекаются первымъ; что же осталось теперь, какъ не прибѣгнуть ко второму? Развѣ наши соціалдемократическіе противники не знаютъ этого? Нужно ли намъ напомнить, что Жюль Гедъ училъ ихъ когда-то, что правящій классъ будетъ смѣяться надъ волей народа до тѣхъ поръ, пока она не будетъ выражена въ видѣ закона.

„Рабочій, сдѣлавшись избирателемъ, не почувствовалъ уменьшенія давящихъ его тягостей, ни сокращенія въ чемъ бы то ни было эксплуатаціи его какъ производителя, потребителя, плательщика податей, расплачивающагося кровью и деньгами".

Габріэль Девилль говоритъ въ своей критикѣ научнаго соціализма слѣдующее: господство надъ собственностью не только безполезно, но это *одинъ изъ самыхъ коварныхъ капкановъ.*

Всеобщее избирательное право закрываетъ въ интересахъ буржуазіи ту настоящую борьбу, которую слѣдуетъ вести.

Забавляютъ народъ политическими глупостями, стараются заинтересовать его измѣненіемъ того или другого колеса правительственной машины; а какое въ дѣйствительности можетъ имѣть значеніе какое-нибудь измѣненіе этой машины, когда ея цѣль, ея назначеніе остается тѣмъ же самымъ, пока она призвана охранять экономическія привилегіи; не безразлично ли для тѣхъ, которыхъ она постоянно давитъ, всякое измѣненіе формы этого давленія?..

Чтобы измѣнить человѣка и его учрежденія, надо начать съ измѣненія той экономической среды, продуктомъ которой они являются.

Какъ это не прискорбно кому-нибудь, но единственный способъ, которымъ возможно достигнуть экономическаго обновленія—это насиліе.

„Для революціонеровъ нѣтъ выбора оружія, нѣтъ опредѣленія дня революціи. Они въ этомъ отношеніи должны заботиться только объ одномъ — объ успѣшномъ дѣйствіи своего оружія, безразлично, какого оно рода.

Имъ, очевидно, нужно будетъ, чтобы обезпечить себѣ шансы побѣды, не быть ниже своихъ противниковъ и, слѣдовательно, использовать всѣ средства, которыя даетъ наука въ руки тѣхъ, кто хочетъ что-нибудь разрушить".

Нужно ли намъ учить людей, которые такъ хорошо понимаютъ, куда они идутъ и которые такъ хорошо назначаютъ путь, по которому должны слѣдовать любовь къ народу.

Нужно ли вѣрить Геду, когда онъ говоритъ:

„Прежде я вѣрилъ въ успѣшность насилія, надѣялся на грубую силу, но, понявъ, что освобожденіе пролетаріата должно быть дѣломъ не возставшаго меньшинства, а сознательнаго большинства, я настаиваю на томъ, въ чемъ хотятъ меня упрекать".

Избиратели проглотили это, не закричавъ ему: „долой"!

Всего прискорбнѣе то, что ловкій человѣкъ можетъ сдѣлать съ избирателями все, что онъ хочетъ: можетъ заставить ихъ смѣяться, кричать, рукоплескать, свистать, а въ особенности вотировать, какъ онъ того желаетъ. Въ этомъ именно и заключается опасность всеобщаго избирательнаго права, о которомъ Жюль Гедъ говорилъ когда-то:

„Всякое избирательное вмѣшательство трудящагося класса роковымъ образомъ обращается на пользу его непріятеля—буржуазіи. Безполезно подавать поводъ къ нареканіямъ нашимъ противникамъ, для которыхъ соціализмъ не есть стремленіе къ освобожденію каждаго члена общества, а, наоборотъ, стремленіе честолюбиваго меньшинства или большинства къ захвату власти съ цѣлью собственнаго господства и возможности эксплуатировать другихъ".

Увы! Тяжело сознавать, что тѣ же самые люди, ко-

торые 20 лѣтъ тому назадъ были такъ храбры, которые руководствовались только логикой фактовъ, которые такъ высоко держали знамя соціализма въ виду всего міра, тащатъ теперь въ грязи этотъ знакъ отличія и присоединяются къ той же „бандѣ, жаждущей господствовать, царить и эксплуатировать другихъ“.

Если бы намъ нужно было вотировать, мы скорѣе подчинились бы игу старыхъ угнетателей, прирожденныхъ аристократовъ, которые чувствуютъ еще что „noblesse oblige“ (дворянство обязуетъ), чѣмъ подчинились бы игу только что испеченныхъ выскочекъ, которые прибавляютъ къ тягости угнетенія еще нелѣпость формы его. Гнетъ первыхъ менѣе тяжелъ, чѣмъ гнетъ вторыхъ.

Почему такъ?

Лафонтенъ давно намъ на это отвѣтилъ:

„Раненая пулей охотника лисица лежала на землѣ, и цѣлая стая хищныхъ птицъ, привлеченная запахомъ крови, усѣлась на ея тѣло. Ежъ изъ состраданія вмѣшался въ дѣло и хотѣлъ разогнать мучителей, расчитывая оказать услугу лисицѣ. Но она отказалась отъ его дружеской помощи и сказала: „другъ, не дѣлай этого. Оставь ихъ, пожалуйста, заканчивать обѣдъ; эти животныя уже сыты. Новая стая болѣе жадная и жестокая налетитъ на меня“. На землѣ слишкомъ много обжоръ: одни царедворцы, другіе судьи. Аристотель примѣнилъ эту басню къ людямъ. Такихъ примѣровъ достаточно, особенно въ нашей странѣ. Чѣмъ больше люди удовлетворены, тѣмъ менѣе они назойливы.

Въ дѣйствительности такъ оно и есть.

Первые уже здѣсь и, значитъ, причиняютъ теперь меньше страданій; вторые должны явиться и, опустившись на общественный организмъ, причинятъ ему гораздо большія страданія.

Бебели и Либкнехты, Каутскіе и Бернштейны, Вандервельды и Ансеели, Геды и Мильераны очень хорошо знаютъ, что мы правы; всѣ они стали политиками, видя, что революція не такъ скоро насту-

питъ, какъ мы раньше ждали, что зданіе капитализма стало и крѣпче, и живучѣе, чѣмъ мы думали; каждый изъ нихъ сталъ искать себѣ вѣрный пріютъ, гдѣ онъ могъ-бы, какъ Людовикъ XV, воскликнуть: „послѣ насъ—хоть потопъ"!

А пока рабочіе остались одурачены.

Пусть не издѣваются надъ нами, доказывая, будто Марксъ не вѣрилъ въ революцію. Это неправда. Да, говоритъ Каутскій, но онъ не говорилъ о политической и экомической революціи. Мы дѣйствительно переживаемъ такую, но Марксъ, Энгельсъ, Бебель и всѣ мы расчитывали, что произойдетъ насильственная революція, которая хотя и не удовлетворитъ всѣ ожиданія соціализма, но подвинетъ насъ далеко впередъ, хотя бы и по собственнымъ трупамъ.

Въ особенности упрекали Бернштейна за то, что онъ сказалъ, что соціализмъ—законный наслѣдникъ либерализма, и что нѣтъ ни одной либеральной идеи, которую нельзя было бы не включить въ соціалистическій идеалъ.

Какъ! восклицаетъ Либкнехтъ, соціализмъ и либерализмъ не имѣютъ ничего общаго. „Либерализмъ — это специфически буржуазное средство. Какъ только буржуазія становится капиталистической, она перестаетъ быть либеральной, и принятое ею направленіе развитія находится въ явномъ противорѣчіи съ соціализмомъ".

Если бы онъ такъ сказалъ о демократіи и соціализмѣ—это было бы другое дѣло.

Но какая въ самомъ дѣлѣ разница между демократіей и либерализмомъ? Есть ли между этими понятіями принципіальное различіе, или это болѣе или менѣе одно и то же?

Тотъ-же Либкнехтъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Соціализмъ и демократія—не синонимы; это различныя выраженія одного и того же идеала, но они находятся въ соотношеніи и дополняютъ другъ друга; противопоставить ихъ нельзя. Соціализмъ безъ демократіи—это каррикатура на соціализмъ, и демократія безъ соціализма—это каррикатура на де-

мократію. Демократическое государство—единственно возможная форма организованнаго соціалистическаго общества".

Такимъ образомъ, либерализмъ есть неполная и нелогичная демократія; они принадлежатъ другъ другу, и даже названіе демократія есть только извращеніе слова либерализмъ.

Либкнехтъ продолжаетъ наивно предполагать—онъ лучше не умѣетъ—что нераздѣльность двухъ понятій—соціализмъ и демократія служитъ нѣмецкому рабочему классу вѣрнымъ руководителемъ въ тяжелыхъ политическихъ затрудненіяхъ, что опасный подводный камень избѣгнутъ, что соціалдемократія плыветъ на всѣхъ парусахъ въ портъ государственнаго соціализма.

Не рѣшенъ ли вопросъ о томъ, что телеграфъ, телефонъ, газъ, водные пути, желѣзныя дороги и трамваи, страхованіе, аптеки и т. п. должны уже теперь быть общественными учрежденіями и перейти отъ частныхъ предпринимателей и обществъ во владѣніе націй и общинъ!

Не представляютъ ли городъ Глазго какъ образцовую общину, гдѣ соціализъ въ большей своей части практически осуществленъ? Не представляютъ ли монополіи на зерно, табакъ, соль, спички, порохъ и пр. зародышемъ соціализма, такъ что Vorwaerts долженъ былъ признать во время преній въ нѣмецкомъ рейхстагѣ относительно введенія монополіи на зерновой хлѣбъ, по предложенію Каница, что это предложеніе совершенно соціалистическое, хотя онъ и сожалѣлъ, что такое предложеніе внесено аграріями и членами центра и находилось такимъ образомъ въ рукахъ „противниковъ"?

Такимъ образомъ, все осуществляется уже въ современномъ классовомъ государствѣ и послужитъ современемъ матеріаломъ, изъ котораго будетъ построена окончательная идея соціализма. Такъ какъ общество движется въ этомъ направленіи, то соціалдемократы имѣютъ всѣ основанія радоваться такому развитію.

Государственный соціализмъ будетъ, однако, расширеніемъ среды рабочихъ государства, потому что онъ будетъ заключать въ себѣ и само производство.

Теперь, спрашиваемъ мы, что-же дѣлаютъ соціалдемократы, какъ не толкаютъ современное общество въ этомъ направленіи?

Всякій соціалдемократъ, попадающій въ какое-нибудь законодательное учрежденіе, прилагаетъ и долженъ прилагать всѣ усилія—иначе не можетъ быть—на пользу государственнаго соціализма, такъ какъ всякое требуемое имъ улучшеніе ведетъ къ усиленію власти государства.

Либкнехтъ, такъ хорошо умѣвшій играть словами, въ отвѣтъ на заявленіе, что соціалдемократія имѣетъ цѣлью диктатуру пролетаріата, говоритъ: „вотъ что вѣрно: со времени іюньскихъ убійствъ въ Парижѣ, т. е. уже 52 года, у насъ существуетъ на всемъ европейскомъ континентѣ диктатура буржуазіи. Теперь же политическая власть, къ которой она стремится, имѣетъ цѣлью не учрежденіе диктатуры пролетаріата, а уничтоженіе диктатуры буржуазіи“.

Очень хорошо. Но мы отвѣтимъ на это, что она стремится не только къ уничтоженію этой диктатуры, но и къ не установленію на ея мѣстѣ диктатуры пролетаріата. Тутъ именно и начинается наше несогласіе, потому что мы не требуемъ такого перемѣщенія несправедливости, чтобы то, что наверху стало внизу и наоборотъ; мы требуемъ уничтоженія всякой диктатуры вообще.

Будетъ ли диктаторъ Вильгельмъ Либкнехтъ со своими друзьями меньшимъ тираномъ, чѣмъ Вильгельмъ Гогенцоллернъ и его друзья? Въ этомъ отношеніи мы ничѣмъ не гарантированы. Мы боремся не такъ съ тиранами, какъ съ тираніей и пока она въ своей сущности остается нетронутой, и допустимой, до тѣхъ поръ мы очень мало и вовсе ничего не выиграли. Можно спорить сколько угодно, но соціалдемократія съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе лишь *львинымъ крыломъ буржуазной демократіи*. Но объ этомъ нельзя говорить вслухъ, Берн-

штейнъ былъ такъ неловокъ, что объявилъ во всеуслышаніе то, что фактически и такъ было извѣстно. Тутъ именно умѣстно сказать: „такія вещи дѣлаютъ, но объ этомъ не говорятъ“!

Англійскіе фабіанцы открыто объявляютъ, что они государственные соціалисты. Почему-бы нѣмецкой соціалдемократіи и другихъ странъ не сдѣлать такого-же признанія? Вѣдь не стыдно быть государственнымъ соціалистомъ! Это такое же направленіе, какъи вся кое другое, и если мы не ошибаемся, такъ оно имѣетъ будущее.

Бернштейнъ дошелъ до этого, хотя и медленнымъ шагомъ. Онъ не можетъ остаться на своей позиціи, потому что разъ онъ сказалъ А, то долженъ имѣть храбрость дойти до конца азбуки и сказать Z.

И мы увидимъ, что соціалдемократическая партія, —признается она въ этомъ или нѣтъ, —все дальше и дальше пойдетъ въ этомъ направленіи. Мы вполнѣ одобряемъ Бернштейна, когда онъ требуетъ, чтобы люди откровенно говорили, кто они, и чтобы не старались казаться иными чѣмъ есть. Конечно, лучше дѣлать то, чего не говоришь, чѣмъ говорить то, чего не дѣлаешь; но требовать, чтобы поступки соотвѣтствовали словамъ, это не значитъ слишкомъ многаго требовать. Мы подумали, что онъ будетъ имѣть успѣхъ, когда читали отвѣтъ его редакціи „I. L. P. News“ отъ ноября: „достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы показать вашимъ читателямъ, что именно представляетъ моя книга: это отрицаніе истасканныхъ теорій и протухшихъ аргументовъ въ защиту соціализма. Но она нисколько не уничтожаетъ идеи соціализма. Она только стремится построить ее на болѣе здоровомъ и сильномъ принципѣ, чѣмъ устарѣлые аргументы прошлаго столѣтія общественной и политической жизни“. Онъ полагаетъ, что было ошибкой марксизма сдѣлать изъ политической дѣятельности главную основу движенія; онъ даже допускаетъ, что этимъ самымъ марксизмъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Любопытно посмотрѣть, какъ Марксъ и Энгельсъ въ предисловіи къ

Коммунистическому Манифесту и въ Междоусобной войнѣ во Франціи развивали программу, которая въ своей политической части, во всѣхъ основныхъ чертахъ имѣетъ сходство съ федерализмомъ Прудона. Марксъ и Прудонъ, наконецъ, въ полномъ согласіи—кто могъ бы это себѣ представить!

Бернштейнъ считаетъ, что пролетаріатъ не созрѣлъ еще для господства. Но какой періодъ времени можетъ онъ съ увѣренностью назначить для достиженія имъ этого высшаго состоянія? Созрѣла ли въ 1789 году буржуазія, когда предприняла дѣло своего освобожденія отъ дворянства и духовенства?

Если бы въ то время кто-нибудь сдѣлалъ такой вопросъ, хотя бы самымъ передовымъ умамъ, онъ навѣрное не получилъ бы удовлетворительнаго отвѣта. Наоборотъ, господствующій классъ въ настоящее время менѣе всего обладаетъ талантомъ для выполненія этой миссіи.

Съ этой точки зрѣнія мы находимся въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Положеніе не можетъ быть худшимъ, и, такимъ образомъ, всякое измѣненіе можетъ быть только улучшеніемъ. Въ противовѣсъ тѣмъ, кто утверждаетъ, что тогда произойдетъ страшный безпорядокъ, мы спрашиваемъ, не является ли современный строй картиной самаго безпредѣльнаго безпорядка.

Мы, такимъ образомъ, пришли къ заключенію, что марксизмъ получилъ опасную рану не отъ враговъ своихъ, какъ называютъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ сомнѣваться хотя бы въ одномъ пунктѣ, въ одной черточкѣ изъ теоріи священнаго Маркса, но что и собственные друзья подвергли его критикѣ. Оказалось, что Марксъ довольно сильно ошибся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и хотя бы это было безумiемъ, но нельзя отрицать научнаго значенія человѣка, который даже впалъ въ заблужденіе—какой писатель не ошибается? Въ томъ и состоитъ ошибка слѣпыхъ обожателей Маркса, что они облекли его въ мантію непогрѣшимости; о Марксѣ можно сказать, какъ о нѣмецкомъ поэтѣ Клопштокѣ: „его больше хвалятъ, чѣмъ ненавидятъ“.

Во всякомъ случаѣ на долю Бернштейна выпала честь, будучи марксистомъ, быть достаточно честнымъ и безпристрастнымъ, чтобы примѣнить здѣсь извѣстное изрѣченіе: „Amicus Plato, sed magis amica veritas".

Правовѣрные марксисты такъ встревожились, что называютъ его книгу „торжественнымъ отреченіемъ отъ принциповъ соціалдемократіи, совершенное человѣкомъ, который до сихъ поръ считался однимъ изъ ея защитниковъ".

Можно еще прибавить, что книга Бернштейна, ничтожнаго содержанія, безъ единой новой и оригинальной мысли, не помѣшала большой и могучей партіи такъ долго заниматься такимъ ничтожнымъ лицомъ. Даже больше, партія не рѣшилась выступить противъ него. Хотя онъ и отрекся отъ принциповъ соціалдемократіи, но онъ остался въ партіи, такъ какъ партія знала, что за него стоитъ большая часть ея членовъ, быть можетъ, самая большая часть, потому что и партія поступила, какъ Бернштейнъ—она открыто высказалась. Застигнутые на мѣстѣ преступленія, вожди ея почувствовали себя разоблаченными въ своей тактикѣ; вотъ что привело ихъ въ ярость.

Все болѣе и болѣе убѣждаются, что ни приложеніе діалектическаго метода къ соціологическимъ изслѣдованіямъ, ни теорія добавочной цѣнности, ни матеріалистическое пониманіе исторіи — не составляютъ открытій Маркса. Прочтите статью Черкезова въ Temps Nouveaux, озаглавленную „Научнѣйшій плагіатъ" (un Plagiax bien scientifique), въ которой онъ доказываетъ, что всѣ идеи, изложенныя Марксомъ въ *Коммунистическомъ Манифестѣ* и другихъ мѣстахъ, встрѣчаются гораздо раньше въ сочиненіяхъ Виктора Консидерана. Онѣ еще до Маркса были извѣстны и разъяснены.

Извѣстно также, что законъ концентраціи капитала и экспропріаціи большинства капиталистовъ меньшинствомъ настолько не выдерживаетъ критики, что даже Бернштейнъ принесъ его въ жертву, а Каутскій принимаетъ его какъ инвентарь.

Почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ старыхъ марксистовъ, и если правда, какъ говоритъ Либкнехтъ, что соціалдемократія держится или падаетъ вмѣстѣ съ невѣрностью или вѣрностью положеній Бернштейна, то состояніе зданія очень плачевно, дыры и трещины появились въ стѣнахъ. Намъ понятно тогда раздраженіе главарей партіи, они чувствуютъ себя въ опасности и защищаются по инстинкту самосохраненія съ отчаянной энергіей людей, которые чувствуютъ, что ихъ положеніе долго не удержится.

Въ прошломъ году мы писали по поводу Штутгартскаго конгресса, что Фольмаръ и его друзья и есть, собственно говоря, вожди партіи, такъ какъ ихъ оппортунизмъ восторжествовалъ.

Бернштейнъ не можетъ остаться въ томъ положеніи, въ которомъ сейчасъ находится; онъ долженъ или возвратиться къ соціалдемократіи и принести повинную, или же долженъ порвать съ нею и создать партію соціалистическо-демократическихъ реформъ, откуда вычеркнутъ со временемъ слово соціалистическій, потому что партія не будетъ таковой. Будемъ же, наконецъ, честны и станемъ правильно называть себя партіей демократическихъ реформъ. Борьба будетъ тогда болѣе корректной, потому-что тогда будетъ или государственный соціализмъ или анархизмъ.

Между этими двумя лагерями останется только небольшое меньшинство, которое должно будетъ погибнуть или лицемѣрно прикрыться и во всякомъ случаѣ долго не просуществуетъ.

Соціалдемократы говорятъ, что это невѣрно; такъ пусть они прямо скажутъ, хотятъ ли они концентраціи средствъ производства и обмѣна въ рукахъ правительства и нуждаются-ли они въ правительствѣ для организаціи и контроля въ промышленной дѣятельности, слѣдовательно, усиленія, даже всемогущества государства? Государство не упраздняется, но, наоборотъ, становится главнымъ распорядителемъ производства. Этого-ли хотятъ соціалдемократы?

Бернштейнъ говоритъ о передачѣ государству

крупнаго производства, не рѣшая вопроса, останется-ли за государствомъ только лишь контроль, или же оно непосредственно дѣйствительно завладѣетъ организаціей всего промышленнаго производства. Такимъ образомъ, прямо или косвенно конечная цѣль такова: *государство распоряжается производствомъ*, монополія доведена до высшей степени, и въ основаніи положена власть.

Теперь можно внести сколько угодно предложеній фабрикаціи Либнехта и Бебеля, но мы утверждаемъ, что соціалдемократы, хотя они этого и не говорятъ открыто, во всѣхъ своихъ поступкахъ— только государственные соціалисты. Ауэръ могъ бы тутъ примѣнить свою ставшую знаменитой фразу: „эти вещи дѣлаютъ, но объ этомъ не говорятъ!"

Драгоцѣнное признаніе! Смѣлый малый, откровенно говорящій то, что другіе думаютъ. Такимъ образомъ можно проникнуть въ самую суть дѣла.

Соціалистическій принципъ не держится и не рушится какой-нибудь одной личностью, хотя бы это былъ самъ Марксъ.

Мы совершенно равнодушны къ этой внутренней борьбѣ между марксистами. Мы все это знаемъ давно, но такъ какъ намъ нравится наблюдать знаменія времени, мы съ интересомъ замѣчаемъ, какъ въ придавленные марксизмомъ умы начинаетъ проникать лучъ свѣта, и мы не сомнѣваемся, что эта эволюція, разъ начавшись, совершится до конца.

Не легко торжествовать надъ предразсудками, въ особенности, когда начиненъ догматическими идеями, но если мы любимъ истину, то мы должны стараться никогда не закрывать свой умъ, а всегда широко открывать его всякому свѣжему теченію науки.

Будемъ стараться не закаменѣть, потому что иначе съ соціализмомъ будетъ то же, что случилось съ церковью. Мы должны мыслить, какъ свободные люди, мыслить совершенно самостоятельно и охранять себя отъ окаменѣнія.